

A movie poster for 'The Snow Queen 2: The Second Chance'. The background is a desolate, snow-covered city with tall buildings covered in ice and snow. In the foreground, a young woman with long brown hair stands in the snow, wearing a dark green jacket, a grey t-shirt, blue jeans, and brown boots. She has a serious expression. The title is written in large, stylized, icy letters at the top.

Второй шанс Снежной королевы

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

Второй шанс Снежной королевы

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Второй шанс Снежной королевы / С. В. Галактионов — «Автор»,
2026

Что стоит жизнь соседа, когда на улице минус шестьдесят? Вчера вы здоровались в лифте, сегодня он готов убить тебя за банку консервов. Эльза знала, что так будет. Она вернулась из будущего, чтобы не дать себя убить снова. У нее есть ресурсы, есть план и стальное сердце. Она превратила жилье в бастион, но дом превращается в зону боевых действий. В мире вечной зимы выживает не добрый, а подготовленный.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смерть и второй шанс	5
Глава 2. Обратный отсчёт	12
Глава 3. Крепость за дверью	22
Глава 4. Последние дни тепла	30
Глава 5. Белая стена	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Галактионов

Второй шанс Снежной королевы

*«В мире, где замерзает кровь, сострадание — это
непозволительная трата тепла»*

Глава 1. Смерть и второй шанс

Холод пришёл не сразу. Сначала — голод.

Эльза помнила, как в последние дни перестала чувствовать пальцы на ногах. Не от мороза, хотя мороз стоял такой, что воздух, казалось, превращался в стекло и резал лёгкие при каждом вдохе. Пальцы онемели от истощения. Тело методично отключало всё, что не было необходимым для поддержания сердцебиения: сначала ушли силы, потом — чувствительность в конечностях, потом — способность думать связно. Мысли расплзались, как мокрая бумага, и Эльза подолгу сидела, уставившись в одну точку, не понимая, сколько прошло времени — минута или час.

Но одну мысль она держала крепко, до самого конца, вцепившись в неё, как в последний якорь.

Я не должна была ему верить.

Его звали Марк. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом и быстрой улыбкой, которая располагала к себе мгновенно — так улыбаются люди, привыкшие нравиться. Они встретились на третий день после того, как отопление в городе отключилось окончательно. Эльза тогда ещё жила в своей квартире на четырнадцатом этаже элитной высотки «Гранд Палас» — двадцать четыре этажа стекла и бетона, построенных для людей, которые привыкли к тому, что мир работает на них. Лифты. Консьерж. Подземный паркинг с подогревом. Всё это умерло в первые сорок восемь часов, когда электричество исчезло, газ перестал поступать, а водопроводные трубы лопнули от мороза с такими звуками, будто здание стонало от боли.

Марк появился на лестничной площадке двенадцатого этажа — двумя пролётами ниже. Эльза спускалась за водой: она нашла способ топить снег, который наметало через разбитое окно в подъезде, но для этого нужно было таскать его вёдрами наверх, к себе, где ещё теплилось слабое пламя походной горелки, купленной по случаю на распродаже туристического магазина. Горелки, которая, как выяснилось, стоила теперь дороже бриллиантового кольца.

Он сидел на ступенях, привалившись к стене, и выглядел плохо. Губы потрескавшиеся, кожа серая, глаза ввалившиеся, но живые — очень живые. Он смотрел на неё снизу вверх, и в его взгляде было что-то, от чего Эльза остановилась.

— Пожалуйста, — сказал он. Голос был хриплый, слабый, но не жалобный. Он не ныл. Он просто просил. — У тебя есть вода? Хоть немного. Я два дня не пил. Сил нет спуститься до снега.

Эльза посмотрела на него и подумала: я могу пройти мимо.

Ей было двадцать шесть лет. Она была невысокой, худой даже до катастрофы, с тёмными волосами, которые она стригла коротко, потому что не любила возиться с ними, и серыми глазами, которые знакомые называли «волчьими» — не за цвет, а за выражение. Эльза всегда смотрела на людей чуть дольше, чем было комфортно, словно считывала что-то за их словами. Но при этом она была из тех, кто останавливается, чтобы помочь незнакомцу на улице, кто отдаёт последнюю купюру бездомному, кто говорит «да» на просьбу, потому что сказать «нет» — больнее.

Она отдала ему воду. И не только воду.

К вечеру того дня Марк сидел в её квартире, закутанный в два одеяла, с кружкой горячего бульона в руках — последнего, из упаковки, которую Эльза берегла на крайний случай. Она смотрела, как он пьёт, и чувствовала то странное тепло, которое приходит, когда делаешь что-то правильное. Что-то человеческое.

Марк оказался хорошим собеседником. Он рассказывал о себе: бывший менеджер по продажам, жил один, квартира на десятом этаже, которая превратилась в ледяной склеп после отключения отопления. Он говорил легко, с юмором, который казался нелепым в умирающем мире, но именно поэтому звучал как глоток нормальности. Эльза ловила себя на том, что улыбается — впервые за неделю.

Он прожил у неё четыре дня. За это время Эльза поделилась с ним едой, горючим для горелки, тёплыми вещами. Она рассказала ему, где нашла непромёрзшую воду, показала свои скромные запасы, объяснила систему, которую выстроила для выживания.

Она доверилась ему полностью.

На пятую ночь она проснулась от боли. Острой, рвущей, ослепляющей — в левом боку, чуть ниже рёбер. Она попыталась вдохнуть, но воздух не шёл, и вместо него в горло хлынуло что-то горячее и солёное. Она захрипела, открыла глаза и увидела Марка.

Он стоял над ней. В руке — кухонный нож, тот самый, которым она вчера нарезала последний сухарь, чтобы разделить пополам. Лезвие блестело тускло в свете догорающей свечи, и на нём было что-то тёмное.

Моя кровь, — подумала Эльза с ясностью, которая бывает только у умирающих.

Марк не смотрел ей в глаза. Он уже отвернулся, собирая вещи: горелку, остатки еды, одеяла, всё, что она копила и берегла. Двигался быстро, деловито, без суеты. Так двигается человек, который знает, что делает, и не чувствует по этому поводу ничего — ни вины, ни удовольствия. Просто работа.

— За... чем? — Эльза попыталась сказать это вслух, но получился только булькающий хрип.

Марк на секунду замер. Обернулся. Посмотрел на неё — и в его глазах не было ни злости, ни ненависти, ни сожаления. Был только расчёт. Холодный, бытовой, будничный.

— Ничего личного, — сказал он. — Просто у тебя было то, что нужно мне. А ты была слишком добра, чтобы отказать.

Он ушёл. Дверь закрылась. Свеча догорела.

Эльза лежала на полу своей квартиры, чувствуя, как жизнь вытекает из неё вместе с теплом, и думала. Не о боли — боль уже уходила, растворяясь в нарастающем онемении. Не о страхе — бояться было нечего, потому что худшее уже произошло. Она думала о том, как глупо, как безнадёжно, как оскорбительно глупо она прожила свои последние дни.

Я спасла его. Я отдала ему всё, что у меня было. И он убил меня за это.

Не потому что он был злым. А потому что я была доброй.

Последнее, что она почувствовала, — холод. Не снаружи. Внутри. Словно что-то замёрзло в самой сердцевине, в том месте, где раньше жила вера в то, что люди заслуживают помощи.

Потом — темнота.

Эльза открыла глаза.

Потолок был белый. Не грязно-серый, как в промёрзшей квартире, а чистый, ровный, с аккуратным точечным светильником посередине, который горел мягким тёплым светом. Она моргнула. Светильник не погас. Она моргнула снова. Он продолжал гореть.

Электричество.

Она лежала на кровати. Не на полу, не на матрасе, брошенном у стены, а на настоящей кровати с ортопедическим матрасом, свежим постельным бельём и двумя подушками. Одеяло

было лёгким и тёплым — не ватным, не армейским, а обычным одеялом из магазина, которое она купила два года назад, потому что на нём были забавные совы.

Совы.

Эльза села рывком. Сердце заколотилось так, что отдавало в виски. Она посмотрела на свои руки — чистые, целые, без обморожений и ссадин. Ногти подстрижены, кожа гладкая, на запястье — тонкий браслет из серебра, который ей подарили на двадцатипятилетие. Она машинально потрогала левый бок — никакой раны. Ни шрама, ни боли, ни даже воспоминания о боли в мышцах.

Она была жива.

Она была целая.

Эльза обвела взглядом комнату. Её комната. Её квартира. Всё на месте: книжный стеллаж у стены, рабочий стол с ноутбуком, шкаф с зеркальной дверцей, в которой отражалась испуганная девушка с растрёпанными тёмными волосами и огромными серыми глазами. На тумбочке — телефон. Она схватила его дрожащими руками, нажала кнопку.

Экран загорелся. 14 марта. 11:23. Четверг.

Четырнадцатое марта.

Эльза уставилась на дату, и внутри что-то сжалось — не от боли, а от узнавания. Четырнадцатое марта. Это было за полтора месяца до начала аномального похолодания. За два месяца до того, как город засыпало снегом. За два с половиной месяца до того, как она умерла на полу собственной квартиры с ножевым ранением в бок.

За окном — серое небо, обычное для ранней весны. Ни снега, ни льда, ни ветра. Внизу, на двадцать четыре этажа ниже, шумел город: машины, голоса, сигнал скорой где-то вдалеке. Нормальный, живой, невозможный город.

— Нет, — сказала Эльза вслух.

Её голос звучал странно — слишком чистым, слишком лёгким, без хрипа и надрыва. Голос здорового, сытого, отдохнувшего человека.

— Нет, нет, нет.

Она встала. Ноги были крепкими, послушными, пальцы чувствовали мягкий ворс ковра. Она дошла до ванной, открыла дверь. Зеркало. Лицо. Её лицо — не изнурённое, не серое, не мёртвое. Обычное лицо двадцатилетней девушки, которая вчера ходила на работу и думала о том, что надо бы купить новые кроссовки.

Эльза схватилась за раковину и простояла так минуту, две, три — считая удары сердца, пытаясь удержаться за реальность, которая расплзалась под пальцами.

Я умерла. Я точно умерла. Я помню нож, и кровь, и холод, и темноту.

Но я здесь.

Она медленно опустилась на край ванны и закрыла лицо руками. Внутри боролись два чувства, и оба были такой силы, что ей казалось — она сейчас треснет, как тонкий лёд, который слишком долго держал вес.

Первым было облегчение. Дикое, животное, захлёбывающееся — как первый вдох после того, как тебя держали под водой. Я жива. Я могу дышать. Мне не больно. Мне не холодно. Я жива.

Вторым — ярость.

Она пришла не сразу. Сначала — тихо, как далёкий гром, едва уловимый за радостью спасения. Потом — ближе, отчётливее, громче. И наконец — обрушилась, заполнив собой всё: каждую мысль, каждую клетку, каждый удар сердца.

Он убил меня. Я спасла ему жизнь, а он убил меня ножом, пока я спала. И забрал всё, что у меня было.

Потому что я была доброй.

Потому что я была дурой.

Эльза убрала руки от лица. Посмотрела на себя в зеркало напротив — мокрые глаза, сжатые губы, побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в край ванны. Она смотрела на своё отражение и видела не себя. Видела ту, прежнюю — мягкую, отзывчивую, готовую отдать последнее, потому что «а вдруг ему хуже, чем мне».

— Больше — никогда, — сказала она отражению.

Голос был тихий, но твёрдый. Как замёрзшая земля.

Она встала, вышла из ванной, прошла по квартире — трогая стены, мебель, дверные ручки, словно убеждаясь, что всё это настоящее. Открыла холодильник. Молоко. Сыр. Помидоры. Йогурт с клубникой. Остатки вчерашней пасты в контейнере. Обычный холодильник обычного человека, который не знает, что через полтора месяца мир закончится.

Эльза закрыла холодильник и прислонилась к нему спиной.

Ладно. Допустим, это реально. Допустим, я каким-то образом вернулась назад. У меня есть полтора месяца. Может, чуть больше, может, чуть меньше — точные даты я не помню, потому что в тот момент мне было не до календаря.

Полтора месяца до того, как мир покроется льдом.

И я знаю, что произойдёт. Я знаю, как люди будут себя вести. Я знаю, кому нельзя верить. Я знаю всё.

Она выпрямилась. Прошла в комнату, села за рабочий стол, открыла ноутбук. Пальцы привычно легли на клавиатуру, и Эльза поймала себя на мысли, что тело помнит эту жизнь, эти движения, эту нормальность — хотя сама она уже была другим человеком. Человеком, который умер и вернулся. Человеком, у которого внутри выгорело всё лишнее: наивность, вера в людей, страх быть «плохой».

Она открыла текстовый документ и начала печатать. Списки. Длинные, подробные, безжалостно практичные.

Еда. Долгого хранения. Крупы, консервы, сублимированные продукты, сахар, соль, мёд, масло, витамины. Много. Очень много. На месяцы. На год. На два.

Вода. Фильтры, системы очистки, ёмкости для хранения, таблетки для обеззараживания.

Тепло. Генераторы, топливо, газовые баллоны, обогреватели, утеплители, термобельё.

Медикаменты. Антибиотики, обезболивающие, перевязочные материалы, антисептики, всё, что можно купить без рецепта, и то, что можно достать с рецептом.

Инструменты. Металлические листы для укрепления стен. Крепёж. Сварочный аппарат? Нет, слишком заметно. Болты, саморезы, герметик, монтажная пена, звукоизоляция.

Оружие.

Она остановилась на этом слове. Посмотрела на него, светящееся белыми буквами на экране. В прошлой жизни у неё не было оружия. У неё была горелка, ведро для снега и вера в то, что Марк — хороший человек.

В этой жизни будет по-другому.

Она печатала ещё час. Списки росли, ветвились, обрастали подпунктами и пометками. Она вспоминала всё, что узнала в те страшные недели, когда мир рушился: что закончилось первым, чего отчаянно не хватало, из-за чего люди дрались и убивали. Каждый пункт в списке был уроком, оплаченным чужими — и её собственной — смертями.

Потом она откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. Город жил. Где-то внизу кто-то сигналил на парковке. На соседнем балконе сушилось бельё. Голуби сидели на карнизе, нахохлившись от мартовского ветра.

Никто не знает. Никто даже не подозревает.

Хорошо.

Она закрыла ноутбук и встала. Нужно было начинать. Сегодня, сейчас, в эту минуту. Каждый потерянный час — это ресурсы, которые она не успеет собрать, и ошибки, которые она не успеет предусмотреть.

Эльза оделась, взяла сумку, ключи, кошелёк. У двери остановилась на секунду и посмотрела на свою квартиру — чистую, светлую, уютную трёхкомнатную квартиру с высокими потолками и большими окнами.

Скоро ты станешь крепостью, — подумала она. — Моей крепостью. Единственным тёплым местом в мёртвом мире.

Она открыла дверь и вышла в коридор.

Это случилось в лифте.

Эльза нажала кнопку первого этажа и привычно смотрела на мелькающие цифры — 14, 13, 12 — когда в правой руке что-то изменилось. Не боль, не покалывание, не жар — а ощущение, для которого не было слова. Как будто пальцы коснулись чего-то, чего не существовало секунду назад. Как будто в воздухе рядом с ладонью открылась... дверь.

Нет. Не дверь. Щель. Трещина в пространстве, которую она чувствовала не глазами, а чем-то внутри — тем же, чем чувствуют, что за спиной кто-то стоит.

Лифт остановился на десятом этаже. Двери открылись. Никто не вошёл. Двери закрылись.

Эльза стояла неподвижно и смотрела на свою руку. Обычная рука. Пять пальцев, серебряное кольцо на среднем, короткие ногти. Ничего видимого. Но ощущение не уходило — невидимая щель в воздухе, прямо здесь, в тридцати сантиметрах от ладони.

Она осторожно повернула запястье — и щель стала шире. Нет, не шире — отчётливее. Как будто настраивалась радиоволна: сначала — помехи, потом — сигнал.

Лифт остановился на первом этаже. Двери открылись. В холле никого не было — консерж отошёл, вероятно, в подсобку.

Эльза не вышла. Она нажала кнопку четырнадцатого этажа и поехала обратно.

В квартире она заперла дверь, села на пол посреди комнаты и сосредоточилась на ощущении в руке. Оно было слабым, мерцающим, как пламя свечи на сквозняке. Но оно было реальным.

Ладно. Допустим, я перерождённая сумасшедшая с глюками. Допустим, это последствия травмы. Но у меня сейчас нет роскоши отмахиваться от чего бы то ни было. Если это что-то — я хочу знать, что именно.

Она подняла правую руку и мысленно потянула. Не за что-то конкретное — просто потянула, как тянут за нитку, которая торчит из ткани. Щель в воздухе откликнулась. Расширилась. И перед Эльзой, прямо в воздухе, на высоте вытянутой руки, появилось окно.

Оно было размером с обеденную тарелку — полупрозрачное, мерцающее, с лёгким голубоватым свечением по краям. За ним не было стены, мебели, коридора — за ним было пространство. Пустое, тёмное, бесконечное. Не чёрное — а именно пустое: без цвета, без формы, без дна.

Эльза отдернула руку. Окно исчезло.

Тишина. Сердце колотилось. Она посмотрела на свою ладонь — чистая, целая, без ожогов и следов. Потрогала воздух в том месте, где только что было окно — ничего. Обычный воздух.

Что это было?

Она попробовала снова. На этот раз — медленнее, осторожнее. Сосредоточилась. Потянула. Окно появилось снова — такое же, чуть больше первого. Голубоватые края, пустота за ними.

Эльза встала на ноги, не отводя глаз от окна. Огляделась по комнате. На рабочем столе лежала ручка — обычная шариковая, синяя. Она взяла её и, стараясь не думать о том, насколько безумно это выглядит, поднесла к окну.

И протолкнула внутрь.

Ручка исчезла. Не упала, не провалилась — просто перестала быть в этом пространстве. Как будто Эльза опустила её в воду, только без воды, без сопротивления, без всплеска.

Она отдернула руку. Ручки в ней не было. Окно мерцало.
Где она?

Эльза снова сосредоточилась — но теперь не открывала, а смотрела. Всмотрелась в пустоту за окном, как вглядываются в темноту комнаты, ожидая, что глаза привыкнут. И пустота сдалась: где-то внутри, в неопределённой глубине, Эльза почувствовала ручку. Не увидела — почувствовала. Знала, что она там, как знаешь, что ключи лежат в левом кармане, даже не проверяя.

Она протянула руку внутрь — и пальцы сомкнулись на гладком пластике. Вытащила. Ручка была на месте: целая, обычная, чуть тёплая. Как будто ничего не произошло.

Эльза стояла посреди комнаты с шариковой ручкой в одной руке и ощущением бесконечной пустоты в другой.

Хранилище, — подумала она. Слово пришло само, без усилий, как будто кто-то подсказал. — Виртуальный склад. Моё личное пространство, где можно хранить... что?

Она положила ручку на стол и пошла на кухню. Открыла холодильник. Достала яблоко — красное, глянцевое, из тех, что покупают не ради вкуса, а ради вида. Вернулась в комнату.

Открыла окно-портал. Положила яблоко внутрь. Закрыла.

Подождала минуту. Пять. Десять.

Открыла снова. Потянулась внутрь. Достала яблоко.

Оно было таким же. Ни вмятин, ни потемнений, ни намёка на то, что прошло хоть какое-то время. Свежее, глянцевое, будто только что с полки магазина.

Не портится.

Эльза надкусила его — просто чтобы убедиться. Хрусткое, сочное, кисло-сладкое. Идеальное.

Она медленно опустилась на стул и доела яблоко, глядя перед собой невидящими глазами. Мысли неслись так быстро, что она не успевала за ними, — и впервые за этот безумный день это были не мысли о смерти, предательстве или боли.

Бесконечное хранилище. Без порчи. Невидимое. Доступное только мне.

Она попробовала оценить масштаб. Встала, открыла портал шире — он послушно вырос до размера небольшого чемодана. Ещё шире — окно диванной подушки. Ещё. Она чувствовала, что размер не имеет предела: портал мог быть с дверной проём, мог быть больше. А пространство за ним...

Она вгляделась. Пустота уходила во все стороны, без стен, без потолка, без горизонта. Бескрайняя, абсолютная, тихая.

Безграничное.

Эльза закрыла портал и минуту сидела неподвижно. Потом встала, подошла к дивану, попробовала поднять диванную подушку и поднести к portalу. Открыла окно, протолкнула подушку внутрь — подушка исчезла. Достала — подушка на месте. Вернула подушку на диван.

Потом она подошла к кухонному столу, положила на него сразу три предмета: вилку, кружку и пачку макарон. Открыла портал. Засунула всё разом. Закрыла. Открыла. Потянулась — и почувствовала все три предмета. Достала по одному: вилка, кружка, макароны. Всё целое, всё на месте.

А если...

Она поймала себя на этой мысли и остановилась. Медленно подошла к зеркалу в прихожей. Посмотрела на своё отражение. Потом протянула руку к portalу — и попыталась засунуть внутрь собственную ладонь целиком, дальше запястья.

Соппротивление. Мягкое, но абсолютное — как если бы она упёрлась рукой в стеклянную стену. Портал пропускал предметы, которые она отпускала, но её саму — нет. Эльза попробовала снова, надавила сильнее — ничего. Граница была нерушима.

Только неживое. Только то, что я могу от себя отделить. Себя — нельзя. Живых существ — нельзя.

Она проверила: попыталась засунуть в портал горшок с кактусом, стоявшим на подоконнике. Горшок вошёл, кактус — нет. Портал словно обтекал живое, принимая только керамику, землю и воду, но выталкивая растение. Она убрала кактус, достала горшок — пустой, с землёй, без кактуса.

Интересно. Очень интересно.

Эльза вернула землю в горшок, посадила кактус обратно и поставила на подоконник. Выпрямилась. Посмотрела в окно.

Город. Машины. Люди. Обычный мартовский день.

У неё было полтора месяца. Безграничное хранилище, в котором ничего не портится. Знание будущего. И ни одной причины быть доброй.

Эльза достала телефон и открыла карту города. Строительные рынки, оптовые базы, продуктовые склады, аптеки, магазины инструментов. Она методично начала отмечать точки — одну за другой, планируя маршруты на ближайшие дни.

Потом открыла контакты. Пролистала до буквы «М». Марк. Его номер ещё был в телефоне — они обменялись контактами на какой-то вечеринке год назад, мимолётное знакомство, ничего значительного. В прошлой жизни она даже не помнила этот момент, пока не встретила его на лестнице умирающего дома.

Она смотрела на его имя на экране. Палец завис над кнопкой «удалить».

Потом она усмехнулась — коротко, без тепла — и убрала телефон.

Нет. Не удалять. Помнить. Помнить его имя, его лицо, его голос. Помнить, как он улыбался, когда пил мой бульон. Помнить, как он стоял надо мной с ножом.

Помнить — и быть готовой.

Она взяла сумку, ключи, надела куртку. У двери снова остановилась. Но теперь — не для того, чтобы попрощаться с прежней жизнью. А для того, чтобы сделать первый шаг в новую.

Мир закончится через полтора месяца. Люди станут хуже зверей. Доверие будет стоить жизни.

Но я знаю это. И я готова.

В прошлой жизни я была жертвой. В этой — я буду хозяйкой.

Эльза открыла дверь и вышла.

Глава 2. Обратный отсчёт

Первый день Эльза потратила на разведку.

Не на закупки — хотя руки чесались ворваться в ближайший оптовый склад и начать сгребать всё подряд. Но она заставила себя остановиться, сесть в кафе на первом этаже торгового центра «Меридиан», заказать кофе — обычный латте, который через два месяца станет несуществующей роскошью — и думать.

Думать методично. Без паники. Без эмоций.

Полтора месяца. Может, чуть больше. Точную дату начала катастрофы я не знаю, потому что в прошлой жизни не следила за календарём — было не до того. Но я помню последовательность. Сначала — аномальные холода в конце апреля. Все думали, что это просто погодная аномалия, запоздалая зима, ничего страшного. Потом — резкое падение температуры в начале мая. Минус двадцать, минус тридцать, минус сорок за неделю. Снегопад, которого не видели никогда. Город встал. Коммуникации рухнули. И началось.

Эльза отпила кофе. Вокруг сидели люди — обычные, живые, беззаботные люди. Девушка за соседним столиком фотографировала свой чизкейк для социальных сетей, поворачивая тарелку, чтобы поймать правильный свет. Мужчина в деловом костюме разговаривал по телефону, раздражённо объясняя кому-то, что «отчёт должен быть на столе к пятнице, и меня не волнует, что у Петрова отпуск». Мать с ребёнком выбирала маффины у стойки, и ребёнок тянулся к шоколадному, а мать говорила: «Нет, Кирюша, возьмём с черникой, он полезнее».

Через два месяца ты будешь мечтать о любом маффине, — подумала Эльза, глядя на мальчика. — Через два месяца ты будешь есть размоченный в воде сухарь и считать это праздником. Если доживёшь.

Она отвела взгляд и открыла блокнот.

Списки, которые она набросала вчера на ноутбуке, были хорошим началом, но не более того. Хаотичный набор пунктов, продиктованный страхом и адреналином. Сейчас нужно было превратить их в план.

Итак. Что мне нужно для выживания в условиях ледникового периода в многоквартирном доме.

Первое — еда. Это очевидно. Но не просто «много еды». Нужен расчёт: калории в день, минимальный баланс белков, жиров, углеводов, витаминов. Сколько я планирую выживать? Год? Два? Пять? Я не знаю, когда закончится холод. В прошлой жизни я не дожила до конца, так что не знаю, заканчивается ли он вообще. Значит — запас на максимальный срок. Хранилище безграничное, экономить место не нужно.

Она начала считать. Две тысячи калорий в день — минимум для взрослого человека в условиях холода. В реальности нужно больше, потому что организм тратит огромное количество энергии на поддержание температуры тела, но две тысячи — базовая цифра. Это примерно пятьсот граммов крупы, плюс жиры, плюс белок. На год — сто восемьдесят килограммов крупы только на одного человека. Плюс консервы, плюс сублиматы, плюс масло, сахар, соль, специи. Плюс витамины — без них через несколько месяцев начнётся цинга, и никакое укрытие не спасёт.

Много. Очень много. Но хранилище — бесконечное. Главное — успеть купить и не привлечь внимание.

Она подчеркнула последнюю фразу дважды.

Не привлечь внимание.

Это было критически важно. Если соседи — или кто угодно — узнают, что она скупает тонны продуктов, начнутся вопросы. А вопросы приведут к выводам. А выводы — к тому, что

в момент катастрофы все будут знать: у Эльзы есть запасы. И тогда никакие бронированные двери не помогут.

Значит — маленькие партии. Разные магазины. Разные районы города. Никаких оптовых закупок под своим именем. Наличные, где возможно. Никаких карт лояльности, никаких накопительных скидок, никаких следов.

И хранилище. Главное преимущество — всё исчезает мгновенно. Купила, вышла за угол, открыла портал, убрала. Никаких коробок в подъезде, никаких подозрительных доставок, никаких переполненных кладовок.

Эльза допила кофе и посмотрела в окно. Напротив торгового центра был строительный гипермаркет «Мастер». Дальше по улице — продуктовый оптовик. Ещё дальше — аптечная сеть с хорошим ассортиментом.

Маршрут на сегодня определён.

Она расплатилась наличными, оставила чаевые — зачем, если мир всё равно закончится? — по привычке, наверное — и вышла на улицу.

Первая остановка — продуктовый гипермаркет на окраине города, куда Эльза никогда раньше не ездила.

Она выбрала его специально: большой, анонимный, с огромным потоком покупателей, где никто не запомнит девушку с тележкой, полной крупы. Добиралась на такси — метро оставляет цифровой след через карту, а такси можно оплатить наличными.

Внутри — привычный гул большого магазина: музыка из динамиков, скрип тележек, запах свежего хлеба из пекарни у входа. Эльза взяла тележку и пошла вдоль рядов, стараясь не торопиться.

Крупы. Рис — длиннозёрный, в килограммовых пачках. Она брала по три-четыре пачки, не больше, чтобы тележка не выглядела подозрительно. Гречка. Овсянка. Пшено. Перловка. Макароны — спагетти, рожки, спирали, без разницы, главное — сухие, компактные, калорийные.

Консервы. Тушёнка — говяжья, свиная. Рыбные — сайра, скумбрия, тунец. Фасоль в томатном соусе. Горошек. Кукуруза. Сгущённое молоко — не для удовольствия, а как концентрированный источник калорий и сахара.

Масло. Подсолнечное в пластиковых бутылках — литровых, чтобы удобнее хранить. Оливковое — дороже, но дольше хранится. Топлёное масло — практически вечное.

Сахар. Соль. Мёд — натуральный, в стеклянных банках. Мёд не портится тысячелетиями; археологи находили его в египетских гробницах — съедобный.

Чай. Кофе — растворимый, в больших банках. Сухое молоко.

Витамины. Мультивитаминные комплексы — пять упаковок. Аскорбиновая кислота — отдельно, много. Витамин D — критически важен при отсутствии солнечного света. Рыбий жир в капсулах.

Эльза методично складывала товары в тележку, следя за тем, чтобы общий объём выглядел нормально — как будто она закупается на большую семью или готовится к долгой поездке на дачу. Никто не обращал на неё внимания. Кассир — уставшая женщина лет сорока — пробила всё без единого вопроса, без единого взгляда. Двенадцать тысяч рублей наличными. Эльза забрала четыре больших пакета и вышла на парковку.

Нашла слепую зону — угол между мусорными контейнерами и стеной, где не было камер наблюдения. Поставила пакеты на асфальт. Огляделась — никого. Открыла портал.

Голубоватое мерцание, бесконечная пустота за краем. Она засунула первый пакет — он исчез, словно провалился в озеро без ряби. Второй. Третий. Четвёртый. Три секунды — и руки пустые.

Эльза закрыла портал, подняла голову и посмотрела на небо. Серое, обычное, мартовское. Ни облачка, ни снежинки.

Ещё сорок три дня, — подумала она.

И поехала в следующий магазин.

К вечеру первого дня она побывала в семи точках.

Два продуктовых гипермаркета. Аптека. Хозяйственный магазин. Магазин туристического снаряжения. Строительный рынок. Ещё одна аптека — в другом районе.

В хранилище лежали: сорок килограммов круп разных видов, двадцать четыре банки консервов, десять литров растительного масла, пять килограммов сахара, три килограмма соли, два килограмма мёда, восемь упаковок витаминов, три литра антисептика, четыре рулона бинтов, две упаковки антибиотиков широкого спектра — продавались без рецепта, спасибо аптечным сетям, — пачка обезболивающих, упаковка жаропонижающих, термобельё — два комплекта, — спальный мешок с температурным рейтингом минус тридцать, туристическая горелка — вторая, на всякий случай, — десять баллонов газа к ней, два фонаря, запас батареек, мультитул, набор отвёрток, моток верёвки, рулон армированного скотча и пятьдесят метров полиэтиленовой плёнки.

Это был один день. Первый из сорока трёх.

Эльза сидела в своей квартире, на кухне, перед тарелкой с пастой, которую разогрела в микроволновке, и смотрела в блокнот. Напротив каждого купленного пункта стояла галочка. Напротив каждого некупленного — прочерк. Прочерков было в десять раз больше, чем галочек.

Мало. Катастрофически мало. При таком темпе мне не хватит времени.

Она поставила вилку и задумалась. Проблема была не в деньгах — у неё были накопления, и она была готова потратить всё до копейки. Проблема была в логистике.

Мелкие закупки в розничных магазинах — это безопасно, но медленно. За один заход она могла унести четыре-пять пакетов, не вызывая подозрений. Десять заходов в день — это предел, учитывая время на дорогу, поиск слепых зон для открытия портала, физическую усталость.

Нужно масштабироваться. Но как — без привлечения внимания?

Она открыла ноутбук и начала искать. Оптовые базы. Мелкооптовые склады. Онлайн-магазины с доставкой крупных партий. Ликвидационные распродажи. Фермерские хозяйства с прямыми продажами.

Оптовые базы — опасно. Там есть учёт, камеры, документы. Если кто-то потом начнёт расследование — «кто скупил тонну тушёнки за неделю до конца света?» — следы приведут ко мне.

Онлайн-заказы — то же самое. Цифровой след. Адрес доставки. Привязанная карта.

Значит — наличные. Мелкие партии. Разные точки. Ротация маршрутов. Каждый день — новый район.

Она начертила карту города от руки, разделив его на секторы. В каждом секторе отметила крупные магазины, аптеки, строительные рынки, хозяйственные точки. Каждый сектор — один день. Двадцать секторов — двадцать дней ротации. Потом можно начать сначала: за три недели кассиры забудут её лицо.

Параллельно — укрепление квартиры. Это сложнее, потому что стройматериалы нельзя пронести мимо соседей незаметно. Ремонтные бригады будут заходить в подъезд, соседи будут видеть, слышать, спрашивать.

Она задумалась. В прошлой жизни квартира не была укреплена — обычные стены, обычная дверь, обычные окна. Когда мир рухнул, единственным, что отделяло её от хаоса, была тонкая деревянная дверь с дешёвым замком. Марк даже не потрудился её взламывать — она сама впустила его.

В этот раз дверь будет другой. И стены. И всё остальное.

Но соседи...

Эльза отложила блокнот и прошлась по квартире. Три комнаты. Кухня. Ванная. Коридор. Высокие потолки, большие окна, качественная отделка — элитный дом, элитная квартира. Стены — бетон и гипсокартон. Перекрытия — железобетонные плиты. Входная дверь — стальная, но стандартная, из тех, что ставят застройщики, чтобы поставить галочку в рекламном буклете.

Нужно обшить стены, пол и потолок металлом. Толстым. Достаточно толстым, чтобы выдержать попытку взлома ломом или автогеном. Установить бронированную дверь — настоящую, не декоративную. Усилить оконные проёмы — хотя на четырнадцатом этаже окна менее уязвимы, чем дверь, но в условиях ледникового периода главная угроза от окон — теплопотери. Значит — утепление, герметизация, возможно — полная заделка нескольких окон.

И всё это нужно замаскировать под обычный ремонт.

Она открыла интернет и начала искать подрядчиков. Не крупные компании — слишком много бюрократии, слишком много документов. Частные бригады. Те, которые работают за наличные и не задают лишних вопросов.

«Капитальный ремонт трёхкомнатной квартиры. Усиление стен, замена двери, утепление, звукоизоляция. Оплата наличными. Работа в сжатые сроки.»

Она нашла три номера, сохранила, решила позвонить утром. Потом закрыла ноутбук, убрала тарелку в раковину и пошла в душ.

Горячая вода текла по плечам, и Эльза стояла под ней, закрыв глаза, чувствуя, как тепло проникает в мышцы, в кости, в ту часть тела, которая помнила холод прошлой жизни и, кажется, никогда не сможет согреться до конца.

Сорок два дня.

На второй день она начала с денег.

Банк открывался в девять. Эльза была у дверей в восемь пятьдесят, с паспортом и решимостью, которую сотрудница банка — полная женщина с лакированными ногтями и бейджи-ком «Ирина» — приняла за нетерпение.

— Хочу снять наличные, — сказала Эльза.

— Сумма?

— Всё.

Ирина подняла глаза от монитора.

— Простите?

— Весь остаток на счёте. Полностью. Наличными.

Ирина посмотрела на экран. Потом снова на Эльзу. На экране, видимо, была цифра, которая заставила её выпрямиться в кресле.

— Это... довольно крупная сумма. Вы уверены? Для снятия такого объёма наличных нам нужно оформить заявку, это может занять один-два рабочих дня, и, возможно, потребуется объяснение цели...

— Ремонт квартиры, — сказала Эльза ровным голосом. — Капитальный. Бригада работает только за наличные.

— Понимаю, но банк обязан...

— Это мои деньги. Я хочу их забрать. Оформляйте заявку.

Ирина посмотрела на неё ещё секунду — оценивающе, с тем выражением, которое бывает у людей, когда они решают, стоит ли спорить. Решила, что не стоит. Начала печатать.

— Завтра после обеда, — сказала она. — Мы подготовим сумму.

— Хорошо.

Эльза вышла из банка и остановилась на ступенях. Утренний город шумел вокруг неё: автобусы, пешеходы, собачники с поводками, курьеры на самокатах. Нормальная жизнь. Последние нормальные дни.

Деньги. Через два месяца они превратятся в бумагу. Но сейчас, прямо сейчас, они — единственный ключ к выживанию. Каждый рубль, не потраченный на подготовку, — это рубль, выброшенный в пропасть.

У неё было чуть больше двух миллионов рублей — накопления за пять лет работы аналитиком в консалтинговой компании. Хорошая зарплата, скромный образ жизни, привычка откладывать. В прошлой жизни эти деньги так и остались на счёте — мёртвые цифры в мёртвой банковской системе.

В этой жизни я потрачу каждую копейку. На еду. На металл. На инструменты. На всё, что можно купить за деньги, пока деньги ещё что-то значат.

Пока заявка обрабатывалась, Эльза поехала на строительный рынок. Не «Мастер» — тот был слишком близко к дому. Крупная барахолка на промышленной окраине, где в ангарах и контейнерах продавалось всё: от гвоздей до бетономешалок.

Она ходила между рядами, трогала металлические листы, разговаривала с продавцами, запоминала цены. Стальной лист два миллиметра — подойдёт для пола, но не для стен. Три миллиметра — лучше, но тяжелее. Четыре-пять миллиметров — серьёзная защита, но монтаж потребует профессиональной бригады и сварки.

Сварка — значит шум. Шум — значит внимание.

Она остановилась у прилавка с крепежом и задумалась. Вариант: болтовое соединение. Тише, чем сварка, но менее надёжно. Хотя — если использовать достаточное количество болтов и добавить герметик, конструкция будет почти монолитной.

А что, если использовать и то, и другое? Сварку — для основного каркаса, когда можно замаскировать шум под ремонт. Болтовое крепление — для внутренней обшивки, которую можно делать в любое время.

Она поговорила с женщиной, торговавшей стальным прокатом. Грузный, загорелый, с руками, покрытыми мелкими ожогами и ссадинами — явно из тех, кто работает с металлом, а не просто продаёт его.

— Три на полтора метра, толщина четыре миллиметра, — сказала Эльза. — Сколько у вас есть?

Мужчина посмотрел на неё с интересом.

— А вам сколько нужно?

— Много. Обшиваю помещение — стены, пол, потолок.

— Бункер строите? — Он улыбнулся, показав золотой зуб.

Эльза не улыбнулась.

— Студия звукозаписи, — сказала она. — Звукоизоляция.

— А-а, — протянул он, теряя интерес. — Ну, для звукоизоляции четвёрка — перебор. Двойки хватит.

— Мне нужна четвёрка. Сколько листов можете подготовить за неделю?

Они договорились на тридцать листов с доставкой в два этапа. Оплата наличными. Мужчина не спрашивал паспорт, не просил подписывать договор. Строительный рынок — это другая вселенная, где бумажный след — роскошь, а не обязанность.

Доставка. Вот где проблема.

Тридцать стальных листов нельзя пронести мимо соседей незаметно. Нельзя занести в лифт — он не выдержит веса. Нельзя поднять по лестнице без бригады грузчиков, которые будут пытеть, ругаться и привлекать внимание всего подъезда.

Значит — дробить доставку. Пять-шесть листов за раз. Поздно вечером или рано утром, когда подъезд пуст. И придумать легенду.

Она уже знала, какую. Ремонт. Капитальный ремонт квартиры — это то, что делает каждый второй житель элитного дома. Шум, пыль, рабочие с инструментами — привычное зло, на которое ворчат, но не обращают серьёзного внимания.

Я объявлю ремонт. Найму бригаду. Они будут заходить и выходить, таскать материалы, шуметь дрелью. А я буду использовать это как прикрытия для настоящей работы.

На третий день Эльза забрала деньги из банка — толстую пачку купюр, уложенную в непрозрачный пакет, — и позвонила бригаде.

Бригадира звали Олег. Крепкий мужчина лет сорока пяти, молчаливый, с жёсткими глазами и привычкой оценивать помещение одним взглядом, как хирург оценивает пациента перед операцией.

— Обшивку стен, пола и потолка металлом, — сказала Эльза, когда он пришёл на осмотр. — Все три комнаты, кухня, коридор, ванная.

Олег обошёл квартиру, постучал по стенам, потрогал перекрытия.

— Зачем? — спросил он.

— Звукоизоляция.

— Звукоизоляция — это минеральная вата и гипсокартон. Металл звук отражает, а не гасит.

Эльза посмотрела на него. Олег был из тех людей, которые знали своё дело и не терпели глупости. С такими нужно было говорить прямо — но не слишком прямо.

— У меня есть причины, — сказала она. — Я хочу, чтобы стены, пол и потолок были обшиты стальным листом четыре миллиметра. Поверх — декоративная отделка: гипсокартон, обои, ламинат, плитка в ванной. Чтобы снаружи выглядело как обычный ремонт. Плюс — замена входной двери на усиленную. И утепление по всему периметру.

— Это дорого, — сказал Олег.

— Я знаю.

— И тяжело. Металл на потолок — это серьёзная нагрузка на перекрытия. Нужно рассчитывать, выдержит ли плита.

— Дом монолитно-каркасный, перекрытия железобетонные, расчётная нагрузка — шестьсот килограммов на квадратный метр. Я проверяла. Металл четвёрка весит тридцать один и четыре десятых килограмма на квадратный метр. С учётом каркаса и крепежа — максимум пятьдесят. Запас более чем достаточный.

Олег посмотрел на неё иначе. Не с подозрением — с уважением.

— Вы инженер?

— Аналитик. Я умею считать.

Он помолчал. Потом назвал цену. Эльза не торговалась.

— Когда начнёте?

— Послезавтра. Материал ваш?

— Материал мой. Первая партия будет завтра вечером.

— Сроки?

— Максимум три недели. Чем быстрее — тем лучше. Работайте сколько нужно часов в день. Доплачу за сверхурочные.

Олег кивнул. Они пожали руки. Когда он ушёл, Эльза стояла посреди пустой квартиры и смотрела на стены, которые через три недели станут бронёй.

Сорок дней.

Следующие две недели слились в непрерывный поток действий, расчётов и маршрутов.

Утро — закупки. Эльза вставала в шесть, выходила из дома к семи и до полудня объезжала два-три магазина. Каждый день — новый сектор города. Каждый раз — другая одежда, другая причёска, другой стиль. Не потому что она боялась камер наблюдения — хотя и это тоже, — а потому что привычка к осторожности уже стала частью её новой личности.

Она покупала методично, по списку, вычёркивая пункты с удовлетворением хирурга, зашивающего рану. Продукты: мешки крупы — рис, гречка, овсянка, чечевица, горох. Консервы — мясные, рыбные, овощные, фруктовые. Сухое молоко. Яичный порошок. Сублими-

рованные продукты — дорогие, но компактные и вечные. Растительное масло — десятки литров. Мёд — килограммами. Сахар, соль, специи — мешками. Чай, кофе — коробками. Мука — для тех случаев, когда появится возможность что-то испечь. Дрожжи — сухие, в герметичных пачках. Шоколад — горький, высококалорийный, в фольге.

Вода: фильтры — несколько систем разных типов, на случай если одна откажет. Таблетки для обеззараживания. Ёмкости — складные, пластиковые, от пяти до двадцати литров. Портативный опреснитель — на случай, если придётся топить лёд, который мог содержать примеси.

Медикаменты: антибиотики — каждый вид, который можно купить без рецепта или с рецептом от сговорчивого врача. Обезболивающие. Жаропонижающие. Противовоспалительные. Антигистаминные. Дезинфицирующие средства — литры. Бинты, пластыри, хирургические нити, скальпели. Шовный материал — на случай, если придётся зашивать рану. Она надеялась, что не придётся, но в прошлой жизни надежды стоили дешево.

Инструменты: молотки, топоры, пилы — ручные и электрические. Мультишуруповерты — три штуки, разных размеров. Наборы ключей, отвёрток, плоскогубцев. Моток стальной проволоки. Несколько мотков верёвки разной толщины. Изолента. Армированный скотч. Монтажная пена — десятки баллонов. Герметик. Силикон. Клей — строительный, эпоксидный, моментальный.

Тепло и электричество: бензиновый генератор — компактный, но мощный. Бензин — канистрами, осторожно, в небольших количествах. Газовые баллоны — стандартные, для плиты и горелки. Солнечные панели — не пригодятся в вечной мгле, но на первое время, пока небо ещё пропускает свет. Аккумуляторы — литий-ионные, большой ёмкости. Светодиодные лампы — десятки, они потребляют минимум энергии. Свечи — сотни, как резервный вариант.

Одежда: термобельё — несколько комплектов. Пуховики. Тёплые ботинки — две пары, с запасом на износ. Шерстяные носки — десятки пар. Перчатки, шапки, шарфы. Балаклавы — на случай, если придётся выходить в экстремальный мороз.

Всё, что она покупала, исчезало в хранилище в течение минут. Четыре пакета из супермаркета — раз, и пусто. Канистра с бензином — раз, и пусто. Рулон утеплителя — раз. Она научилась открывать портал за секунду, безошибочно, как достают телефон из кармана: жест правой рукой, мысленный импульс, голубоватое мерцание, пустота принимает груз.

День. Семнадцать магазинов, аптек и рынков — за одиннадцать дней, ни разу не повторившись.

Двадцать восемь дней до катастрофы.

Параллельно шёл ремонт.

Бригада Олега работала быстро и профессионально. Три человека — сам Олег, его помощник Серёга и сварщик Виталий — приходили к восьми утра и уходили в девять вечера. Квартира наполнялась запахом металла, звоном болтов, гулом дрели и треском сварочного аппарата.

Первой обшили стену, выходящую в коридор — ту, где была входная дверь. Олег снял старую дверь, расширил проём и установил новую — заказную, из стали толщиной восемь миллиметров, с тремя контурами уплотнения, внутренним засовом и механическим замком, который не зависел от электричества. Дверь весила двести килограммов и выглядела как вход в банковское хранилище. Снаружи её закрыли декоративной панелью под дерево — дуб, благородный, дорогой, совершенно обычный для элитного дома.

— Хорошая дверь, — сказал Олег, отступив на шаг и оценив результат. — От танка не спасёт, но от всего остального — вполне.

— Мне достаточно, — ответила Эльза.

Затем — стены. Стальные листы крепились на металлический каркас из профильной трубы, приваренный к закладным в бетоне. Поверх — слой утеплителя, потом — гипсокартон, потом — финишная отделка. Со стороны квартира выглядела как обычный качественный ремонт. Но за обоями и краской скрывался стальной кокон.

Пол — та же конструкция: каркас, металл, утеплитель, стяжка, ламинат. Потолок — сложнее, из-за веса, но Олег справился, распределив нагрузку по несущим балкам.

Соседи, конечно, заметили. В домовом чате — том самом чате, который через месяц станет полем битвы — появились первые сообщения.

«Кто-нибудь знает, что за ремонт на 14 этаже? Шум с восьми утра, невозможно работать из дома.»

«Это квартира 87, Эльза вроде бы. Серьёзный ремонт, сварка и всё такое. Уже неделю.»

«Сварка?? В жилом доме?? Это вообще законно?»

«А кто-нибудь видел, что они туда таскают? Я вчера на лестнице столкнулась с мужиком, он нёс металлический лист. Здоровенный.»

«Может, она сейф делает?)) Или бункер)))»

Последний комментарий — с тремя смеющимися скобками — принадлежал Вадиму Петровичу из семьдесят девятой квартиры, восемнадцатый этаж. Бывший военный, любитель пошутить, первый, кто в прошлой жизни попытался организовать «народное ополчение» против мародёров — и первый, кого мародёры убили.

Эльза читала чат, но не отвечала. Не объясняла, не оправдывалась, не шутила в ответ. Молчание — лучшая защита от любопытства: люди быстро теряют интерес к тому, кто не реагирует.

Через три дня обсуждение её ремонта сменилось обсуждением новой кофейни на первом этаже соседнего дома. Ещё через два дня — жалобами на плохую уборку в подъезде. Ещё через день — фотографиями чьей-то кошки.

Нормальная жизнь. Последние нормальные дни.

На пятнадцатый день подготовки Эльза впервые столкнулась с управляющей.

Татьяна Викторовна — так её звали — перехватила Эльзу в холле первого этажа. Высокая, ухоженная, лет пятидесяти, с причёской, которая выглядела так, будто её укладывали два часа, и с улыбкой, которая выглядела так, будто её репетировали перед зеркалом.

— Эльза, дорогая! — Голос был тёплым и властным одновременно — комбинация, свойственная людям, привыкшим контролировать. — Я хотела с вами поговорить о вашем ремонте.

— Что именно? — Эльза не остановилась, продолжая идти к лифту.

Татьяна Викторовна пошла рядом, не отставая. Каблуки стучали по мраморному полу — цок-цок-цок — как метроном.

— Понимаете, жильцы жалуются на шум. И, честно говоря, у меня тоже есть вопросы. Вы ведь используете сварочное оборудование? Это требует специального разрешения, пожарный надзор, согласование с управляющей компанией...

— Разрешение оформлено, — сказала Эльза. Это была ложь. Никакого разрешения не было. Но к тому времени, когда кто-нибудь решит это проверить, будет уже неважно.

— Правда? — Татьяна Викторовна чуть прищурилась. — Я не видела документов. Может быть, вы пришлёте мне копию?

— Конечно. Завтра.

— И ещё — жильцы спрашивают, что именно вы делаете. Металлические листы, усиленная дверь... Это выглядит... необычно.

Эльза остановилась у лифта и нажала кнопку вызова. Повернулась к Татьяне Викторовне и посмотрела ей в глаза — прямо, без тепла, без враждебности. Просто факт.

— Я делаю ремонт в своей квартире. За свои деньги. В рамках закона. Если у кого-то есть претензии — пусть обращаются в суд.

Лифт пришёл. Двери открылись. Эльза вошла. Татьяна Викторовна осталась стоять в холле — с улыбкой, которая чуть дрогнула, но не погасла. Улыбкой человека, который привык получать ответы на свои вопросы и не привык слышать «нет».

Двери закрылись.

Татьяна Викторовна, — подумала Эльза, глядя на мелькающие цифры этажей. — В прошлой жизни ты была первой, кто попытался взять дом под контроль. Ты собирала еду у людей «для общего блага» и прятала лучшее в своей квартире. Ты думала, что власть — это то, что тебе причитается по должности.

Ты ошибалась.

И ты за это заплатила.

Лифт остановился на четырнадцатом этаже. Эльза вышла и направилась к своей квартире, из-за двери которой доносился приглушённый гул дрели.

Двадцать восемь дней.

На двадцатый день подготовки Эльза подвела промежуточный итог.

Она сидела на кухне — единственной комнате, которую ещё не тронул ремонт, — и листала блокнот. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком: списки, расчёты, схемы, пометки.

Хранилище: она перестала считать отдельные позиции и перешла на категории. Продовольствие — запас на два с половиной года для одного человека при норме две тысячи калорий в день. Вода и средства очистки — на неопределённый срок, при условии доступа к снегу или льду. Медикаменты — базовая аптечка, способная закрыть большинство бытовых и травматических ситуаций. Инструменты — полный набор для ремонта, строительства, базовых электромонтажных работ. Одежда — достаточно для выживания при температурах до минус пятидесяти. Топливо и энергия — бензин, газ, аккумуляторы, запасные лампы, свечи.

Бункер: готов на семьдесят процентов. Стены и пол обшиты полностью. Потолок — на две трети. Дверь установлена и протестирована. Вентиляция — базовая система с фильтрами, нужна доработка. Отопление — газовые обогреватели плюс электрический конвектор от генератора, нужен резервный контур. Водоснабжение — ёмкости для хранения, фильтрация, система сбора конденсата — в процессе монтажа.

Осталось: потолок — три-четыре дня. Вентиляция — два дня. Финишная отделка — три дня. Итого — десять дней работы. У меня есть двадцать три дня. Запас.

Но Эльза не расслаблялась. Запас — это иллюзия. В прошлой жизни она тоже думала, что у неё есть время, — и оказалась права ровно до того момента, когда внезапно оказалась не права.

Что я ещё не учла?

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Прошлая жизнь возвращалась фрагментами — не чёткой хронологией, а вспышками: образы, звуки, запахи, ощущения. Холод. Темнота. Звук лопающихся труб. Крики за стеной. Запах гари — кто-то на нижних этажах разводил костёр прямо в квартире и чуть не устроил пожар. Стук в дверь — настойчивый, безостановочный, как пульс.

Камеры. Мне нужны камеры наблюдения.

В прошлой жизни она была слепа — не знала, что происходит за дверью, кто стоит в коридоре, кто планирует атаку, кто ищет слабое место. Она реагировала на звуки, как пещерный человек, — и к тому моменту, когда звук превращался в угрозу, было слишком поздно.

Датчики движения. Скрытые камеры. Переговорное устройство. Может, даже перископ — нет, слишком заметно. Камеры.

Она записала в блокнот новый пункт и обвела его кружком.

И ещё — оружие. Настоящее.

Этот пункт стоял в самом начале списка, но Эльза откладывала его. Не из моральных соображений — мораль, как и деньги, теряла ценность с каждым днём. А из практических: огнестрельное оружие в России — это лицензия, проверки, учёт. След, который она не хотела оставлять.

Но нож — это не оружие. Топор — это инструмент. Арбалет — это спортивный инвентарь. А бейсбольная бита — это бита.

Она усмехнулась — коротко, без тепла — и записала: «Средства самозащиты. Без лицензии.»

На двадцать пятый день бригада закончила работу.

Олег стоял в коридоре готовой квартиры — в коридоре, который выглядел как обычный коридор элитного жилого дома: светлые стены, ламинат на полу, точечные светильники на потолке, — и смотрел на результат с выражением, которое Эльза не могла прочесть.

— Хорошая работа, — сказала она.

— Да, — согласился он. — Хорошая. Только я не понимаю — зачем.

Эльза протянула ему конверт с остатком оплаты.

— Вам и не нужно понимать.

Олег взял конверт. Не пересчитывая — он уже знал, что Эльза не обманывает. За три недели они выработали молчаливое уважение: она не лезла в его работу, он не лез в её мотивы.

— Если что — звоните, — сказал он у двери. — Мало ли.

— Спасибо. Не понадобится.

Он ушёл. Эльза закрыла дверь — новую, стальную, беззвучную — и осталась одна.

Она прошлась по квартире. Три комнаты, кухня, ванная, коридор — всё отделано, всё чисто, всё выглядит нормально. Светлые стены, тёплый пол, мягкий свет. На кухне — новая плита, работающая от газового баллона, спрятанного в нише. В ванной — ёмкость для воды на двести литров, замаскированная под встроенный шкаф. В спальне — генератор в звукоизоляционном коробе, подключённый к внутренней электросети.

А за всем этим — за обоями, за ламинатом, за плиткой — четыре миллиметра стали. Со всех сторон. Как скорлупа. Как броня. Как последний аргумент.

Эльза остановилась посреди гостиной и закрыла глаза.

Восемнадцать дней.

Она открыла портал — привычным жестом, без усилий, как включают свет — и заглянула внутрь. Бесконечное пространство, заполненное аккуратно разложенными запасами: ряды мешков с крупой, штабеля консервных банок, канистры, коробки, свёртки. Целый склад, целый магазин, целый мир, спрятанный в кармане реальности.

Достаточно ли этого?

Она знала ответ. Нет. Никогда не будет достаточно. Потому что настоящая угроза — не холод, не голод, не темнота. Настоящая угроза — люди. Те самые люди, которые сейчас обсуждают в домовом чате рецепты тирамису и жалуются на царапину на машине.

Через восемнадцать дней они перестанут быть людьми. Они станут голодными, замёрзшими, отчаявшимися животными, готовыми на всё ради тепла и куска хлеба.

И они будут знать, что за бронированной дверью на четырнадцатом этаже — свет, тепло и еда.

Эльза закрыла портал и села на диван. Провела ладонью по мягкой ткани обивки. Тёплой, чистой, уютной.

Это моя крепость. Мой остров. Моё.

И я не отдам его никому.

За окном — обычный мартовский вечер. Фонари, машины, окна соседних домов, в которых мерцают экраны телевизоров. Где-то внизу смеялись дети. Где-то наверху играла музыка — приглушённая, еле слышная через четыре миллиметра стали.

Эльза не слушала. Она смотрела на город и считала дни.

Глава 3. Крепость за дверью

Эльза стояла посреди пустой гостиной и смотрела на стены, которые ещё вчера были голым металлом, а сегодня прятались за слоем гипсокартона, шпаклёвки и краски — приятного тёплого оттенка, который в каталоге назывался «слоновая кость». Декоративная ложь. Красивая обёртка для стального кулака.

Бригада ушла, но работа не закончилась. Она только начиналась.

Олег и его люди сделали каркас — скелет крепости. Теперь Эльзе нужно было наполнить его жизнью: системами, которые превратят бронированную коробку в автономный организм, способный существовать месяцами без единой связи с внешним миром.

Она достала блокнот — тот самый, уже распухший от записей, с загнутыми уголками страниц и пятнами от кофе — и перечитала раздел, озаглавленный «ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ». Слово было подчёркнуто дважды.

Вода. Тепло. Воздух. Свет. Еда. В этом порядке.

Без воды человек умирает за три дня. Без тепла в условиях ледникового периода — за несколько часов. Без свежего воздуха в герметичном помещении — быстрее, чем хочется думать. Без света можно жить, но недолго: темнота разрушает психику надёжнее голода. Без еды — дольше всех, до нескольких недель, но к тому моменту тело уже не способно бороться ни с чем другим.

Порядок приоритетов. Не путать. Не менять.

Эльза начала с воды.

В ванной комнате, за фальшь-панелью, облицованной кафелем — серым, матовым, со вкусом, — стояла ёмкость на двести литров. Олег установил её по просьбе Эльзы, не задавая вопросов: пластиковый бак пищевого класса, с краном внизу и герметичной крышкой сверху. Двести литров — это десять дней для одного человека при жёсткой экономии. Мало. Критически мало.

Но двести литров — это то, что физически помещалось в ванную, не вызывая подозрений. Остальное лежало в хранилище: сорок канистр по двадцать литров — восемьсот литров чистой питьевой воды. Плюс три системы фильтрации разных типов. Плюс таблетки для обеззараживания — пятьсот штук, каждая рассчитана на литр. Плюс портативный опреснитель, купленный в магазине яхтенного оборудования за безумные деньги, который мог превращать талый снег в питьевую воду со скоростью пять литров в час.

Снег, — подумала Эльза, стоя перед ёмкостью и проверяя кран. — Снег — это бесконечный источник воды. Но для этого нужен доступ к снегу — а значит, доступ наружу. Или хотя бы к окну.

Она прошла в гостиную и посмотрела на окна. Большие, панорамные, от пола до потолка — гордость застройщика, кошмар выживальщика. Каждое окно — это огромная дыра в теплоизоляции. Стекло, даже двойное, даже энергосберегающее, пропускает холод в десятки раз эффективнее, чем бетонная стена. В условиях минус пятидесяти за окном — это как оставить дверь открытой.

В прошлой жизни окна были её врагом. Через них уходило тепло, через них задувал ветер, через них проникал мороз, от которого индевели стены и покрывался льдом потолок. Она заклеивала их одеялами, тряпками, полиэтиленом — и всё равно было холодно. Всегда холодно.

В этой жизни — по-другому.

План был таков: из четырёх окон квартиры наглухо заделать три. Оставить одно — в кухне, самое маленькое — как потенциальный доступ к снегу и единственный источник днев-

ного света, когда он ещё будет. Три остальных — превратить в часть стены: утеплитель, металл, гипсокартон. Как будто их никогда не было.

Эльза открыла портал и достала первую упаковку экструдированного пенополистирола — жёсткого, лёгкого, с теплопроводностью, близкой к нулю. Купила на строительном рынке неделю назад, тридцать листов, каждый — сто миллиметров толщиной. Плюс монтажная пена, плюс пароизоляционная плёнка, плюс герметик.

Она не стала нанимать бригаду для этой части работы. Слишком много вопросов. «Зачем вы заделываете окна? Зачем утеплитель толщиной в десять сантиметров? Зачем поверх — стальной лист?» Олег бы промолчал, но его рабочие — нет. Люди болтают. Особенно когда видят что-то странное.

Значит — сама.

Эльза переоделась в рабочую одежду — старые джинсы, футболку, которую не жалко, строительные перчатки — и начала.

Первое окно. Гостиная. Самое большое — два метра на полтора. Она измерила проём, нарезала пенополистирол строительным ножом — острым, с выдвижным лезвием, который лежал в руке как продолжение пальцев. Первый слой — вплотную к стеклу, на монтажную пену. Подождать двадцать минут, пока пена расширится и схватится. Второй слой — поверх первого, со смещением стыков, снова на пену. Пароизоляционная плёнка — внахлёт, с проклейкой швов скотчем. Потом — металлический лист, уже нарезанный по размеру: она заказала его у того же продавца на строительном рынке, сказав, что обшивает гараж.

Лист тяжёлый. Четыре миллиметра стали — это больше сорока килограммов для куска два на полтора метра. Эльза прислонила его к стене, примерилась, подняла — мышцы на руках задрожали, спина протестующе заныла — и прижала к утеплителю. Держа одной рукой, другой начала вкручивать саморезы в заранее просверленные отверстия, попадая в профильную трубу каркаса за гипсокартоном.

Первый саморез. Лист перестал шататься. Второй. Третий. К десятому — лист держался намертво, и Эльза отступила на шаг, тяжело дыша.

Одно окно. Три часа работы. Ещё два.

Она вытерла лоб тыльной стороной ладони и продолжила.

Второе окно — в спальне — заняло два с половиной часа. Она набирала опыт: движения стали точнее, руки — увереннее. Нож резал утеплитель ровно, пена ложилась экономно, саморезы входили с первого раза.

Третье окно — во второй комнате, которую Эльза планировала использовать как кладовую и техническое помещение. Здесь она не стала возиться с декоративной отделкой: утеплитель, металл, и хватит. Красота — роскошь для тех помещений, где она будет жить. Техническая комната — это функция, не эстетика.

К полуночи все три окна были заделаны. Эльза стояла в гостиной — теперь абсолютно глухой, без единого просвета, освещённой только светодиодной лампой на потолке — и чувствовала странное удовлетворение. Не радость. Не облегчение. Именно удовлетворение — холодное, точное, как щелчок замка, который встал на место.

Теплопотери через окна — устранены. Три потенциальные точки взлома — устранены. Видимость снаружи — устранена. Никто не увидит свет в моих окнах. Никто не узнает, что внутри кто-то живёт.

Она прошла на кухню. Здесь окно осталось: небольшое, метр на семьдесят сантиметров. Эльза не стала его заделывать, но подготовила: установила внутреннюю раму с утеплителем и металлическим щитом, которые можно было закрепить за пятнадцать минут. В обычное время — открыто, свет проникает внутрь. В экстренной ситуации — закрыто, герметично, непроницаемо.

Кроме того, именно через это окно она планировала получать доступ к снегу — будущему бесконечному источнику воды. Четырнадцатый этаж — высоко, но если снег дойдёт до третьего этажа, а ветер будет наметать сугробы у стен, то на уровне четырнадцатого этажа вполне может оказаться достаточно снега и льда на карнизе и фасаде.

А если нет — у меня есть восемьсот литров в хранилище и фильтры для очистки. Этого хватит надолго.

Следующие три дня Эльза посвятила системе отопления.

Центральное отопление умрёт первым — она знала это наверняка. В прошлой жизни батареи остыли через шесть часов после того, как температура за окном опустилась ниже минус двадцати. Котельная, снабжавшая район, работала на газе, но автоматика не была рассчитана на такой холод: замёрзли датчики, лопнули наружные трубы, сработала аварийная защита. И всё. Тысячи квартир — без тепла, в одну ночь.

Значит — автономное отопление. Полностью независимое от внешних сетей.

Основной источник — газовые инфракрасные обогреватели. Эльза выбрала керамические, каталитического типа: тихие, эффективные, с минимальным расходом газа и низким выбросом угарного газа. Три штуки — по одному в каждую жилую комнату. Подключение — к стандартным бытовым баллонам, которых в хранилище лежало сорок штук.

Расход одного обогревателя — около ста пятидесяти граммов газа в час на средней мощности. Один баллон — двенадцать килограммов. Хватает на восемьдесят часов непрерывной работы одного обогревателя. Сорок баллонов — три тысячи двести часов. Если топить одним обогревателем восемь часов в день — это четыреста дней. Больше года.

Но я буду топить не одним, а двумя-тремя. Значит — сто тридцать-двести дней. Полгода. Мало? Нет. Потому что есть второй контур.

Второй контур — электрический конвектор, работающий от генератора. Генератор — бензиновый, компактный, установленный в звукоизоляционном коробе во второй комнате. Мощность — два киловатта, достаточно для конвектора и базового освещения. Расход бензина — около литра в час. В хранилище — двести литров бензина в канистрах.

Двести часов работы генератора. Это резерв, не основной источник. На случай, если газ закончится или обогреватель выйдет из строя. Десять-двенадцать часов в день — и хватит на две-три недели экстренного отопления.

Третий контур — аварийный. Походные горелки, свечи, спиртовки. Не для комфорта — для выживания. Если откажут первые два контура, свечи и горелки дадут достаточно тепла, чтобы не замёрзнуть в стальном коконе, пока она устраняет неисправность.

Эльза расставила обогреватели, подключила баллоны, проверила каждое соединение на утечку — мыльным раствором, как учил ролик на YouTube, который она посмотрела три раза. Пузырей не было. Герметично.

Потом — вытяжка. Любой обогреватель, работающий на газе, сжигает кислород и выделяет продукты горения. В герметичном бункере без вентиляции это верная смерть — тихая, незаметная, во сне.

Вентиляция. Самая критичная и самая уязвимая система.

Вентиляция стала отдельной головной болью.

В доме существовала штатная вентиляционная шахта — вертикальный канал, проходящий через все двадцать четыре этажа, с выходами в каждую квартиру через решётки в кухне и ванной. В нормальных условиях этого было достаточно: естественная тяга вытягивала воздух наверх, свежий поступал через окна и щели.

В условиях ледникового периода эта система превращалась одновременно в спасение и угрозу.

Спасение — потому что шахта обеспечивала циркуляцию воздуха, без которой в бункере можно задохнуться.

Угроза — потому что через ту же шахту можно было проникнуть внутрь, подать дым, газ, воду, или просто заблокировать воздухозаборник, задушив обитателя без единого выстрела.

Эльза помнила из прошлой жизни, как люди на нижних этажах использовали вентиляционные шахты. Кто-то кричал через них, передавая сообщения. Кто-то бросал мусор. Кто-то пытался пролезть — безуспешно, шахта была слишком узкой для взрослого человека, но достаточно широкой для ребёнка. Были случаи, когда в шахту лили воду — она стекала вниз, заливая квартиры на нижних этажах. Были случаи, когда в шахту бросали горящие тряпки.

Мне нужна вентиляция, которая даёт воздух, но не даёт доступ.

Решение: механический клапан с фильтром. Эльза купила промышленный обратный клапан — металлический, с пружинным затвором, — и установила его на выходе вентканала в кухне. Клапан пропускал воздух изнутри наружу, но блокировал обратный поток. Поверх клапана — металлическая решётка с мелкой сеткой, задерживающая крупные предметы. Поверх решётки — угольный фильтр, поглощающий запахи и часть вредных примесей.

Для притока свежего воздуха она оставила второй вентканал — в ванной — с аналогичной системой, но работающей в обратном направлении: воздух мог поступать снаружи внутрь, пройдя через фильтр и сетку, но обратно — нет.

Дополнительно — аварийная заслонка. Стальная пластина на направляющих, которую можно задвинуть за три секунды, полностью перекрывая вентканал. Если кто-то попытается использовать шахту как оружие — дым, вода, огонь, — Эльза закроет заслонку и перейдёт на замкнутый контур: портативный кислородный концентратор и химические поглотители углекислого газа, которых хватит на двенадцать-пятнадцать часов полной автономии.

Двенадцать часов. Этого достаточно, чтобы переждать любую атаку через вентиляцию и найти решение.

Она протестировала каждый элемент системы. Открыла заслонку — воздух пошёл. Закрыла — поток прекратился мгновенно. Проверила клапаны — работают чётко, без заеданий. Зажгла спичку у решётки — пламя отклонилось внутрь шахты, подтверждая наличие тяги.

Работает.

Свет.

В прошлой жизни темнота была почти такой же страшной, как холод. Не физически — психологически. Когда электричество погасло, квартиры превратились в пещеры. Свечи давали мало света и быстро заканчивались. Фонарики садились. А темнота... темнота делала с людьми странные вещи. Они начинали слышать звуки, которых не было. Видеть тени, которые не двигались. Чувствовать присутствие кого-то, кто не существовал. Темнота превращала одиночество в пытку, а страх — в постоянного соседа.

Эльза не собиралась жить в темноте.

Основной источник света — светодиодные лампы, подключённые к внутренней электросети бункера. Сеть питалась от двух источников: генератора и блока аккумуляторов. Аккумуляторы — литий-железо-фосфатные, более надёжные и долговечные, чем обычные литий-ионные. Четыре блока общей ёмкостью десять киловатт-часов — это примерно двадцать часов непрерывного освещения без подзарядки. Генератор заряжал аккумуляторы за четыре-пять часов работы.

Режим экономии: генератор работает четыре часа в день. Заряжает аккумуляторы. Аккумуляторы питают свет, вентиляцию и зарядку мелких устройств. Расход бензина — четыре литра в день. Двести литров в хранилище — пятьдесят дней.

Пятьдесят дней электричества. Потом — свечи, фонари, химические источники света. Их хватит ещё на месяцы.

Но Эльза не собиралась ограничиваться пассивным ожиданием. В хранилище лежали две небольшие солнечные панели — не для серьёзной генерации, а для подзарядки мелких

устройств в те дни, когда солнце ещё будет видно через тучи. И педальный генератор — ручной, почти средневековый по технологии, но надёжный: крути педали — получай электричество. Медленно, тяжело, но неиссякаемо. Энергия, добытая мышцами, — последний резерв, который невозможно отобрать.

Она установила электрическую разводку сама — по схеме, которую нарисовала на миллиметровке с точностью инженерного чертежа. Провода — медные, в негорючей оплётке. Автоматы и предохранители — на каждую линию. Розетки — в каждой комнате, по две, плюс отдельная линия на кухню для обогревателя и плитки. Всё спрятано за гипсокартоном, всё подписано, всё задокументировано в блокноте — на случай, если придётся чинить в темноте, на ощупь, по памяти.

Кухня.

Здесь сосредоточилось то, что Эльза мысленно называла «центром жизни». Не потому что еда — главное, а потому что кухня — единственное место в бункере, которое должно было оставаться человеческим. Не функциональным, не тактическим, не стратегическим — а именно человеческим. Местом, где можно сесть, съесть горячий суп, выпить чай и на десять минут забыть, что мир за стеной умер.

Плита — двухконфорочная, газовая, подключённая к баллону через гибкий шланг с автоматическим отсекателем. Рядом — электрический чайник: маленькая роскошь, которую она позволила себе, потому что звук закипающей воды — это звук нормальности, а нормальность в апокалипсисе ценнее золота.

Посуда — минималистичная, прочная, из нержавеющей стали. Две кастрюли, сковорода, чайник для плиты — на случай если электрический откажет. Ножи — хорошие, японские, острые. В прошлой жизни кухонный нож стал орудием убийства. В этой — он останется инструментом для готовки. Для другого у Эльзы были другие средства.

На открытых полках — то, что не вызовет подозрений, если кто-то каким-то невероятным образом окажется внутри: пакет риса, банка кофе, сахарница, коробка чая. Обычная кухня обычного человека. Настоящие запасы лежали в хранилище — безразмерном, невидимом, недостижимом.

Эльза открыла портал и достала банку тушёнки. Говяжья, четыреста граммов, дата производства — январь. Открыла, выложила в кастрюлю, поставила на плиту. Синее пламя — ровное, тихое — обняло дно. Запах мяса наполнил кухню.

Она ела медленно, сидя за маленьким столом у окна — единственного оставшегося, — и смотрела на город. Огни. Машины. Жизнь.

Пятнадцать дней.

На следующий день Эльза занялась безопасностью.

Не в смысле стен и дверей — это было сделано. В смысле информации. Видеть, слышать, знать — что происходит за пределами бункера, кто подходит к двери, кто бродит по коридору, кто замысливает что-то на лестнице.

В прошлой жизни она была слепа. Слышала шаги за дверью и не знала — это сосед идёт за водой или группа из пяти человек с ломом. Слышала крики и не знала — это ссора или убийство. Не видела, не знала, не контролировала. Реагировала вместо того, чтобы предвидеть. И это стоило ей жизни.

Камеры.

Она купила четыре миниатюрные IP-камеры с ночным видением и датчиками движения. Маленькие — размером с большую пуговицу, — питающиеся от аккумулятора, способного работать до трёх месяцев в режиме ожидания. Каждая камера записывала видео на встроенную карту памяти и одновременно передавала изображение по Wi-Fi на планшет, который Эльза превратила в центр наблюдения.

Установка — ночью, когда подъезд пуст.

Эльза вышла из квартиры в два часа ночи. Коридор четырнадцатого этажа был тих и пуст: серый ковролин, точечные светильники, четыре двери по обе стороны. Она двигалась бесшумно — кроссовки на мягкой подошве, никаких лишних движений — и чувствовала себя странно. Как будто уже начала жить по законам того мира, который ещё не наступил. Крадущийся зверь в мире, который пока не знал, что стал джунглями.

Первая камера — над собственной дверью, в углу между потолком и стеной, за декоративным плинтусом. Снимала коридор в обе стороны. Угол обзора — сто двадцать градусов. Достаточно, чтобы видеть любого, кто приближается.

Вторая — на лестничной площадке, в нише пожарного шкафа. Снимала лестницу вверх и вниз, а также дверь лифта.

Третья — этажом ниже, на тринадцатом, в аналогичной позиции. Ранний сигнал: если кто-то поднимается по лестнице, Эльза увидит его за тридцать секунд до того, как он окажется у её двери.

Четвёртую она хотела установить в холле первого этажа, но передумала. Слишком далеко — сигнал Wi-Fi не дотянется через четырнадцать этажей бетона. Вместо этого она закрепила её на площадке между четырнадцатым и пятнадцатым этажами — контролировать верхний подход.

Вся установка заняла сорок минут. Эльза вернулась в квартиру, заперла дверь, включила планшет. Четыре изображения — чёткие, с лёгким зеленоватым оттенком ночного режима. Пустой коридор. Пустая лестница. Пустая площадка. Тишина.

Теперь я вижу.

Она добавила к камерам два датчика движения — автономных, на батарейках, с радиопередатчиком. Один — в коридоре перед дверью, второй — на лестничной площадке. При срабатывании датчик отправлял сигнал на приёмник, подключённый к планшету, и тот издавал тихий звуковой сигнал. Даже если Эльза спала — а спала она теперь чутко, как зверь в норе, — сигнал разбудит её.

Потом — переговорное устройство. Дверной видеодомофон, замаскированный под стандартный глазок. Снаружи — ничего необычного: металлическая дверь, «деревянная» панель, обычный глазок. Внутри — широкоугольная камера, микрофон и динамик. Эльза могла видеть и слышать того, кто стоит за дверью, могла говорить с ним — и при этом не приближаться к двери ближе чем на три метра.

Дистанция. Контроль. Информация. Три столпа выживания.

Последний элемент, который Эльза установила до конца недели, был самым неприятным. Оружие.

Не огнестрельное — она так и не решилась связываться с лицензиями и проверками. Но в хранилище лежало достаточно, чтобы чувствовать себя увереннее.

Топор. Не туристический, а полноразмерный, с длинной ручкой и тяжёлым лезвием. Инструмент — формально. Оружие — по сути.

Охотничий нож. Двадцать сантиметров лезвия, фиксированный клинок, удобная рукоять. Куплен в охотничьем магазине — паспорт, запись в журнале, но это уже неважно.

Бейсбольная бита. Алюминиевая, лёгкая, неубиваемая. Стояла в углу прихожей, рядом с зонтом. Невинно.

Газовый баллончик. Три штуки. Перцовый, с дальностью три метра. Не смертельно, но в закрытом помещении — гарантированно выводит из строя на несколько минут.

Электрошокер. Компактный, мощный, купленный онлайн с доставкой в постамат. Без следа до двери.

И ещё — арбалет. Пистолетного типа, небольшой, но достаточно мощный, чтобы пробить деревянную дверь с пяти метров. Купила в спортивном магазине — спортивный инвентарь, не оружие. Стрелы — углепластиковые, десять штук. Этого хватит.

Эльза разложила всё на столе в гостиной и посмотрела на свой арсенал. В прошлой жизни у неё не было ничего, кроме кухонного ножа, который Марк забрал после того, как воткнул ей в бок.

Больше не повторится.

Она убрала оружие: часть — в хранилище, для долгосрочного хранения, часть — в тайники по квартире, замаскированные под элементы интерьера. Бита — в прихожей. Нож — в ящике кухонного стола, под полотенцами. Баллончик — в кармане куртки, которая висела у двери. Шокер — в ящике тумбочки у кровати.

Если кто-то войдёт — а никто не войдёт, но если, — он не пройдёт двух метров без того, чтобы я не достала что-нибудь, чем можно ответить.

Вечером Эльза провела финальную проверку.

Она закрыла все двери, задвинула аварийную заслонку на вентиляции, отключила внешнее электричество — выдернула автомат в щитке, имитируя отключение сети. Потом — отключила воду. Потом — представила, что за стенами минус пятьдесят и метель.

Генератор. Кнопка старта. Рокот — приглушённый звукоизоляционным коробом до низкого гула, почти неслышимого за закрытой дверью. Свет загорелся. Конвектор начал греть. Чайник зашумел.

Вентиляция — аварийная заслонка закрыта, портативный кислородный концентратор включён. Воздух — чистый, ровный, без посторонних запахов.

Вода — из ёмкости в ванной. Кран открыт, вода пошла — под давлением, которое обеспечивал маленький насос от аккумулятора.

Камеры — работают. Четыре изображения на планшете. Пустой коридор. Пустая лестница. Спящий дом.

Эльза выключила генератор, вернула внешнее электричество и воду, открыла заслонку вентиляции. Тест окончен. Всё работало.

Она села на диван, поджала ноги, укуталась в плед. Квартира была тёплой — по-настоящему, не искусственно, не от генератора, а от обычного центрального отопления, которое всё ещё работало и будет работать ещё тринадцать дней.

Тринадцать дней.

Она закрыла глаза.

В темноте, за закрытыми веками, она увидела лицо Марка. Не злое, не агрессивное — обычное. Лицо человека, который стоит над тобой с ножом и говорит «ничего личного» таким тоном, каким говорят «передай соль».

Эльза открыла глаза. Посмотрела на стену — светлую, ровную, «цвета слоновой кости». За ней — четыре миллиметра стали. За сталью — утеплитель. За утеплителем — бетон несущей стены. За бетоном — мир, который через тринадцать дней замёрзнет.

Пусть замерзает.

Я готова.

Она потянулась к планшету и открыла домовый чат — просто посмотреть. Последние сообщения:

«Кто-нибудь знает хорошего стоматолога? У мужа зуб разболелся, а наш в отпуске.»

«Продаю детский велосипед, б/у, состояние отличное. Писать в личку.»

«Управляющая, когда почините домофон в третьем подъезде? Третью неделю не работает!»

«Татьяна Викторовна: Домофон будет починен в понедельник. Мастер уже вызван. Прошу сохранять спокойствие и не нажимать кнопку слишком сильно, это усугубляет поломку.»

Эльза усмехнулась. Не зло, не с презрением — с чем-то, что было больше похоже на усталость. Усталость от знания, которое нельзя разделить. Усталость от того, что ты смотришь

на людей, которые беспокоятся о домофонах и велосипедах, и знаешь, что через две недели половина из них будет мертва.

Она закрыла чат.

Потом открыла блокнот, перевернула на чистую страницу и написала:

«Осталось сделать: датчики на вентиляционные шахты (2 шт.), резервный запас батарей для камер, закупка семян (долгосрочное планирование?), дополнительный баллон для обогревателя в спальне, маскировка кухонного окна (финальная версия), проверка герметичности двери (повторная), установка засова на техническую комнату, ревизия аптечки (проверить сроки годности), запас туалетной бумаги (серьёзно, не забыть)»

Она улыбнулась, дописав последний пункт. Маленькие вещи. В прошлой жизни именно маленькие вещи сводили с ума: отсутствие туалетной бумаги, мыла, зубной пасты. Когда ты борешься за жизнь, ты не думаешь о гигиене — а потом инфекция, которую можно было предотвратить куском мыла, убивает быстрее голода.

Мыло. Шампунь. Зубная паста. Зубные щётки — три, с запасом. Стиральный порошок. Средство для мытья посуды. Тряпки. Губки. Мусорные пакеты. Влажные салфетки — антибактериальные, много.

Она записала всё это и добавила в план закупок на завтра.

Тринадцать дней. Список короче. Крепость — почти готова. Хранилище — почти полное. Я — почти готова.

Почти.

Эльза положила блокнот на тумбочку, выключила свет и легла. Потолок над ней был белым и ровным. За ним — четыре миллиметра стали.

Она закрыла глаза и в последний раз за этот день подумала о Марке. Не с ненавистью — с ненавистью она уже устала. С чем-то более холодным, более тихим, более опасным.

С терпением.

Ты ещё не знаешь, что я вернулась. Ты ещё не знаешь, что мир закончится. Ты ещё не знаешь, что я помню каждое слово, каждый взгляд, каждое движение ножа.

Но ты узнаешь.

Когда придёт время — ты узнаешь.

Эльза заснула. За окном — единственным оставшимся — мерцали огни города. Ветер усилился, и где-то далеко, за горизонтом, температура начала падать.

Глава 4. Последние дни тепла

Тринадцать дней.

Эльза произносила эту цифру про себя каждое утро — как молитву наоборот. Не просьба о спасении, а обратный отсчёт до конца. Тринадцать. Двенадцать. Одиннадцать. Каждый день вычитал единицу, и с каждой вычтенной единицей мир за окном казался чуть более хрупким, чуть более ненастоящим — как декорация, которую вот-вот начнут разбирать.

Утро одиннадцатого дня до катастрофы началось с дождя.

Эльза стояла у кухонного окна — единственного незаделанного — и смотрела, как капли ползут по стеклу, оставляя кривые дорожки. Обычный мартовский дождь, холодный, мелкий, из тех, что не заканчиваются часами и превращают город в серую размытую акварель. Люди внизу шли под зонтами, перепрыгивали лужи, ёжились от ветра. Обычное утро обычного дня.

Через одиннадцать дней этот дождь превратится в снег. Потом — в лёд. Потом — в стену, которая похоронит этот город.

Она отвернулась от окна и включила чайник. Пока вода закипала, открыла портал — привычным жестом, как открывают шкаф — и достала банку растворимого кофе, сахар, пакет сухого молока. Из холодильника — ничего: она уже неделю не покупала скоропортящиеся продукты, питаясь из хранилища. Холодильник стоял пустой, отключённый, как памятник прежней жизни.

Кофе был горячим, сладким, с привкусом химии от сухого молока. Эльза пила его маленькими глотками, листая блокнот. Список «осталось сделать» сократился до семи пунктов. Семь пунктов — и крепость будет завершена.

Один. Датчики на вентиляционные шахты.

Сделано вчера. Два магнитных датчика — на заслонках обоих вентканалов. Если кто-то попытается открыть заслонку снаружи или протолкнуть что-то через шахту — датчик сработает, сигнал пойдёт на планшет.

Два. Резервный запас батарей для камер.

Сделано. Двадцать комплектов литиевых батарей в хранилище. Хватит на два года, если менять раз в три месяца.

Три. Закупка семян.

Эльза задержалась на этом пункте. Семена. Долгосрочное планирование. В прошлой жизни она не дожила до того момента, когда выращивание еды стало бы актуальным, но логика подсказывала: если ледниковый период продлится годы, рано или поздно консервы закончатся. Нужен возобновляемый источник пищи.

Проблема в том, что для выращивания чего бы то ни было нужны свет, тепло, вода и почва. Свет — светодиодные фитолампы, работающие от генератора или аккумуляторов. Тепло — есть. Вода — есть. Почва...

Гидропоника. Без почвы. Питательный раствор, поддон, фитолампа. Компактно, эффективно, возможно в условиях бункера.

Она записала: «Купить: семена (салат, редис, микрозелень, лук на перо — быстрорастущие, неприхотливые). Гидропонный набор — базовый. Фитолампы — 2 шт. Удобрения для гидропоники. Субстрат.»

Это было не срочно. Это было на потом — на те месяцы, когда острая фаза выживания сменится долгим, изматывающим ожиданием. Но Эльза привыкла думать на десять шагов вперёд. В прошлой жизни она не думала дальше завтрашнего дня — и умерла на пятый.

Четыре. Дополнительный газовый баллон в спальню.

Сделано. Баллон подключён, проверен, герметичен. Запас газа в хранилище увеличен до сорока пяти баллонов.

Пять. Маскировка кухонного окна — финальная версия.

Ещё не сделано. Она отложила это на сегодня.

Шесть. Повторная проверка герметичности двери.

Сегодня. Днём.

Семь. Засов на техническую комнату.

Сегодня. Вечером.

Эльза допила кофе, вымыла кружку, убрала её в шкаф. Каждое движение было точным, экономным, без лишних жестов. Она заметила это за собой ещё неделю назад: тело начало двигаться иначе. Не суетливо, не расслабленно — а рационально. Как механизм, настроенный на максимальную эффективность. Как будто прошлая жизнь — голод, холод, страх, боль — впечаталась не только в память, но и в мышцы.

Я меняюсь, — подумала она, глядя на своё отражение в тёмном экране выключенного телевизора. — Я уже не та, кем была двадцать пять дней назад. Та Эльза ходила на работу, пила латте, смотрела сериалы и верила, что мир — безопасное место.

Эта Эльза знает, что мир — клетка с хищниками. И единственный способ выжить — стать самым опасным зверем в клетке.

Работа.

Это слово вызывало у Эльзы странное чувство — нечто среднее между абсурдом и горечью. Она всё ещё ходила на работу. Каждый будний день, с девяти до шести, она сидела в офисе консалтинговой компании «Вектор Аналитикс» на четвёртом этаже бизнес-центра «Сигма», смотрела в монитор, составляла отчёты, участвовала в совещаниях и отвечала на электронные письма.

Зачем?

Потому что исчезновение с работы — это вопросы. Вопросы — это внимание. Внимание — это риск. Если она внезапно уволится или перестанет приходить, коллеги начнут звонить, интересоваться, может быть — заедут проверить. А ей не нужны гости. Не сейчас.

Поэтому она продолжала играть роль. Приходила вовремя, здоровалась, улыбалась — механической, ничего не значащей улыбкой, — делала минимум необходимого и уходила ровно в шесть. Коллеги замечали, что она стала тише, замкнутее, рассеянное — но списывали это на усталость от ремонта, о котором она упоминала вскользь, когда спрашивали.

— Ты какая-то бледная в последнее время, — сказала Ольга, менеджер проектов, когда они столкнулись у кофемашины. — Всё нормально?

— Ремонт, — ответила Эльза. — Пыль, шум, рабочие. Сама знаешь.

— О-о, ремонт — это ад, — кивнула Ольга с пониманием. — Мы в прошлом году кухню переклеивали, я думала, с ума сойду. Главное — пережить.

Пережить, — мысленно повторила Эльза. — Да. Именно.

В обеденный перерыв она не ела в офисной столовой. Выходила на улицу, находила безлюдное место — парк, переулок, задний двор — открывала портал, доставала из хранилища упаковку энергетических батончиков и бутылку воды, ела быстро, не отвлекаясь. Потом — возвращалась в офис с пластиковым стаканчиком кофе из ближайшей кофейни, чтобы никто не спрашивал, где она обедала.

Маска. Маска нормальности. Маска человека, который живёт обычной жизнью и не знает, что мир скоро закончится.

Ещё десять рабочих дней. Потом — не будет ни офиса, ни коллег, ни кофемашины. Потом — будет только лёд.

На десятый день до катастрофы Эльза заметила первый признак.

Она шла с работы — привычным маршрутом, через сквер, мимо детской площадки — когда почувствовала ветер. Не обычный мартовский ветер — сырой, вялый, пахнущий мокрым

асфальтом. Этот ветер был другим. Сухой. Резкий. С привкусом чего-то металлического, как будто воздух пропустили через ледяной фильтр.

Она остановилась. Подняла лицо к небу. Облака — серые, плотные — двигались быстрее, чем обычно, и были ниже, чем обычно. Гораздо ниже. Они будто давили на город, прижимали его к земле.

Термометр на аптеке через дорогу показывал плюс два. Вчера в это время было плюс семь.

Пять градусов за сутки. Начинается.

Эльза стояла на тротуаре, ощущая этот ветер — первый вестник того, что шло, — и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Не страх. Страх был привилегией тех, кто не знал, что случится. Она знала. Её чувство было другим — острым, звенящим, как натянутая струна. Готовность.

Раньше, чем я ожидала. Или нет? Я не помню точных дат. Может быть, похолодание начиналось постепенно — сначала медленно, потом всё быстрее. Может быть, эти пять градусов — ещё не сигнал, а просто холодный фронт.

Но может быть — и сигнал.

Она ускорила шаг. Дома — привычная рутина: закрытая дверь, проверка камер, быстрый ужин. Потом — блокнот.

Оставшиеся закупки нужно было ускорить. Не «завтра-послезавтра» — сегодня. Сейчас.

Эльза переоделась, взяла сумку и вышла. Девять вечера. Магазины ещё работали.

Первая остановка — хозяйственный гипермаркет, работавший до десяти. Она шла по рядам быстрее, чем обычно, складывая в тележку то, что откладывала «на потом»: туалетную бумагу — двадцать четыре рулона, два пакета. Мыло — хозяйственное, десять кусков. Шампунь — три бутылки. Зубную пасту — пять тюбиков. Стиральный порошок — большую коробку. Мусорные пакеты — два рулона. Влажные салфетки — десять упаковок. Средство для мытья посуды. Губки. Тряпки.

Мелочи. Бытовые мелочи, о которых не думаешь, пока они есть, и без которых сходишь с ума, когда их нет.

Что ещё? Что я забыла?

Она стояла посреди отдела бытовой химии и пыталась вспомнить. Прошлая жизнь — фрагментарная, рваная, как плохо склеенная плёнка — подбрасывала образы. Женщина на двенадцатом этаже, которая плакала, потому что у неё закончились гигиенические прокладки. Мужчина на восьмом, который порезал руку и не мог остановить кровь, потому что не было ни бинта, ни пластыря. Ребёнок, который заболел ангиной, и родители не могли сбить температуру, потому что детский парацетамол закончился в первую неделю.

Гигиенические средства. Женские. Много.

Она вернулась в отдел гигиены и взяла десять упаковок прокладок, пять упаковок тампонов. Кассирша — молодая девушка с наушником в ухе и скучающим лицом — пробила всё без единого взгляда.

Ещё.

Аптека. Ночная, круглосуточная, через два квартала. Эльза дошла пешком, под ветром, который стал ещё холоднее. Плюс один на уличном термометре. Падает.

В аптеке она купила: детский парацетамол — четыре упаковки. Активированный уголь — десять пачек. Регидрон — от обезвоживания. Йод. Перекись водорода — пять бутылок. Вазелин — от обморожений. Пантенол — от ожогов. Нурофен. Но-шпа. Лоперамид — от диареи, которая в условиях плохой воды и стресса становится убийцей. Градусник — ртутный, не электронный, потому что ртутный не нуждается в батарейках. Тонометр — механический, по той же причине.

А для кого я покупаю детский парацетамол?

Эльза остановилась на крыльце аптеки с пакетом в руках. Вопрос пришёл неожиданно, и она не сразу нашла ответ.

Для себя? У меня нет детей.

Для кого-то, кому я решу помочь?

Нет. Я не собираюсь помогать. Я решила это в первый день. Помощь — это слабость. Помощь — это то, что убило меня.

Но она не выложила парацетамол обратно. Убрала в хранилище вместе со всем остальным.

На всякий случай, — сказала она себе. — Это не доброта. Это ресурс. Детское лекарство — это валюта. В мире, где дети болеют и умирают, человек, у которого есть лекарство, — хозяин положения.

Она шла домой быстрым шагом, чувствуя ветер спиной. Холодный, колющий, чужой.

Всё — ресурс. Всё — инструмент. Всё — оружие.

Даже доброта. Особенно — доброта.

На девятый день до катастрофы Эльза перестала ходить на работу.

Она позвонила руководителю — Андрею Сергеевичу, мужчине, чья главная жизненная тревога заключалась в том, что квартальный отчёт не сойдётся с прогнозом, — и сказала, что заболела. Голос — хриплый, слабый, убедительный. Кашель в трубку. Извинения за неудобство.

— Конечно, Эльза, выздоравливайте, — сказал Андрей Сергеевич. — Не торопитесь. Здоровье важнее.

Здоровье важнее, — повторила она, положив трубку. — Ты даже не представляешь, насколько ты прав.

Больничный давал ей минимум пять дней без вопросов. Пять дней, которые она собиралась использовать до последней минуты.

В этот день она совершила самый рискованный и самый масштабный рейд за всё время подготовки.

Цель — оптовый склад продуктов питания на промышленной окраине города. Не магазин, не супермаркет — настоящий склад, где хранились тонны круп, консервов, масла, сахара в мешках и бочках. Место, куда обычные люди не заходили, — только оптовые покупатели с документами и доверенностями.

У Эльзы не было ни документов, ни доверенности. Но у неё были наличные — и понимание того, как работают люди, которые зарабатывают немного и живут от зарплаты до зарплаты.

Она приехала на такси к воротам склада в восемь утра, когда смена только начиналась. Нашла охранника — немолодого мужчину в камуфляжной куртке, скучающего в будке у шлагбаума, — и заговорила с ним тоном человека, который привык решать вопросы.

— Мне нужно поговорить с кладовщиком. У меня есть наличные и нет желания оформлять бумаги. Это возможно?

Охранник посмотрел на неё — оценивающе, без удивления. Он видел таких раньше: люди, которые покупали «мимо кассы», обходя НДС, накладные и бухгалтерию. Серая зона, в которой вращалась половина оптовой торговли.

— Подождите, — сказал он и позвонил кому-то.

Через десять минут к ней вышел кладовщик — полный мужчина в синем рабочем халате, с хитрыми глазами и руками, постоянно находящимися в движении — то в карманах, то на поясе, то потирающими друг друга.

— Что нужно? — спросил он без приветствия.

— Рис. Двести килограммов. Гречка — сто. Сахар — сто. Масло подсолнечное — сорок литров. Тушёнка — сколько есть в наличии, но не меньше ста банок. Наличными. Без документов.

Кладовщик присвистнул.

— Кафе открываете?

— Детский лагерь, — сказала Эльза. — Закупка на сезон.

— В марте?

— Заранее.

Он посмотрел на неё долго — секунд пять, — и Эльза выдержала этот взгляд. Не моргнула, не отвела глаз. Просто стояла и ждала, пока он сделает привычные расчёты в голове: сумма сделки минус себестоимость, равно навар в карман, минус риск, равно решение.

— Идёмте, — сказал он.

Склад был огромным — бетонная коробка размером с ангар, заставленная стеллажами до потолка. Мешки с крупой, паллеты с консервами, бочки с маслом, коробки с макаронами, штабеля сахара в пятидесятикилограммовых мешках. Запах — сухой, мучнистый, с примесью масла и картона.

Эльза ходила между рядами и показывала: это, это, вот это. Кладовщик записывал в засаленный блокнот, кивал, иногда переспрашивал. Рис — четыре мешка по пятьдесят килограммов. Гречка — два мешка. Сахар — два. Масло — две двадцатилитровые канистры. Тушёнка — четыре коробки по двадцать четыре банки. Макароны — три коробки по десять килограммов. Соль — мешок, двадцать пять килограммов.

Всего — почти полтонны.

— Вывозить будете сами? — спросил кладовщик.

— Да. Машина у входа.

Машины, разумеется, не было. Но кладовщику незачем было это знать.

Грузчики вытащили всё к воротам и сложили на поддон. Эльза расплатилась — пачка купюр перешла из её рук в руки кладовщика с той гладкостью, которая бывает у привычных операций. Он пересчитал, кивнул, убрал в карман халата.

— Удачного сезона, — сказал он и ушёл.

Эльза осталась одна рядом с горой мешков и коробок. Посмотрела по сторонам. Камеры на складе были направлены на ворота и на стеллажи, но зона погрузки — у задней стены, за углом — была слепой. Она проверила заранее, когда заходила.

Подождала три минуты, пока грузчики скроются внутри. Потом — открыла портал.

Голубоватое мерцание. Бесконечная пустота. И — один за другим — мешки, коробки, канистры исчезали в ней, как камни в чёрную воду. Пятьдесят килограммов — раз. Пятьдесят — два. Двадцать четыре банки — раз. Двадцать четыре — два. Канистра — раз. Канистра — два.

Минута сорок секунд. Поддон пуст.

Эльза закрыла портал и быстро ушла — через задние ворота, мимо пустых контейнеров, через пустырь к остановке маршрутки. Сердце колотилось — не от страха, а от физической нагрузки и адреналина. Руки мелко дрожали.

Полтонны продовольствия. За одно утро. Без единого следа.

В маршрутке она села у окна и закрыла глаза. Дрожь прошла. Адреналин отступил. Осталось — холодное удовлетворение.

Теперь в хранилище — запас еды на четыре года. Для одного человека. На одних крупах и консервах — без разнообразия, без деликатесов, но с достаточным количеством калорий, белков и углеводов, чтобы не умереть.

Четыре года.

Если ледниковый период продлится дольше — значит, у меня будет четыре года, чтобы найти другой способ.

Вечером того же дня Эльза сделала то, что откладывала с первого дня перерождения.

Она открыла ноутбук, зашла в социальные сети и нашла профиль Марка.

Его страница была обычной — настолько обычной, что от этого становилось тошно. Фотографии: он на фоне моря, он с друзьями в баре, он с какой-то девушкой — блондинка, улыбается, обнимает его за плечо. Посты: репосты мемов, ссылки на статьи о криптовалютах, цитаты из бизнес-книг. Последний пост — три дня назад: фотография кофе в бумажном стаканчике с подписью «Понедельник, ты снова невыносим».

Понедельник невыносим, — подумала Эльза, глядя на его лицо — улыбающееся, открытое, располагающее. — Подожди, пока наступит настоящий понедельник.

Она проверила его геолокацию — последняя отметка была в кофейне в трёх кварталах от их дома. Их дома. Марк жил в том же «Гранд Паласе», в той же двадцатичетырёхэтажной башне. Десятый этаж. Квартира шестьдесят два. Она знала это из прошлой жизни — знала его адрес, его этаж, его соседей, его привычки.

Он здесь. Прямо сейчас — в четырёх этажах подо мной. Может быть, смотрит телевизор. Может быть, ужинает. Может быть, пишет кому-то — новой жертве? — сообщение с той самой улыбкой, от которой хочется верить, что мир полон хороших людей.

Она закрыла ноутбук.

Не сейчас. Сейчас — подготовка. Сейчас — крепость. Сейчас — выживание.

Марк подождёт. Он никуда не денется. Когда мир замёрзнет, он окажется в том же доме, что и я. Без запасов. Без укрытия. Без шанса.

И тогда мы поговорим.

На восьмой день до катастрофы погода сломалась.

Эльза почувствовала это ещё до того, как увидела. Проснулась в пять утра — резко, как от толчка — и несколько секунд лежала в темноте, не понимая, что её разбудило. Потом — услышала.

Тишина.

Не обычная ночная тишина, в которой всё равно живут звуки: гул холодильника, шорох вентиляции, далёкий рокот ночного города. Абсолютная тишина. Как будто мир за стенами вдруг замер, задержал дыхание.

Она встала, прошла на кухню, посмотрела в окно.

Небо было неправильным.

Не серым, не пасмурным — а жёлто-зелёным, с оттенком, которого она никогда не видела в реальности, только на фотографиях перед торнадо. Облака висели так низко, что казалось — протяни руку, и коснёшься их. Плотные, тяжёлые, неподвижные, как потолок.

Термометр за окном — электронный, на присоске — показывал минус три.

Минус три. Конец марта. Вчера было плюс четыре.

Семь градусов за ночь.

Эльза смотрела на термометр и чувствовала, как щёлкают тумблеры где-то внутри — переключение из режима «подготовка» в режим «боевая готовность». Не паника. Не страх. Просто — сдвиг. Как поворот ключа в замке зажигания.

Началось. Может быть, это ещё не основной удар — но это начало. Похолодание ускорится. Значит, у меня не одиннадцать дней. Может быть, восемь. Может быть, пять. Может быть — три.

Она быстро оделась и вышла из квартиры.

Город в пять утра был пуст — почти. Редкие машины, редкие прохожие, закрытые магазины. Ветер — ледяной, пронизывающий, такой, какого не бывает в конце марта. Эльза шла быстрым шагом, засунув руки в карманы, и чувствовала, как холод пробирается под куртку.

Последний рейд. Последние закупки. Всё, что ещё можно успеть.

Круглосуточный гипермаркет на Садовой — огромный, ярко освещённый, почти пустой в это время. Эльза взяла две тележки и прошла по рядам, как машина, — быстро, целенаправленно, без колебаний.

Консервы — всё, что было на полке. Тридцать две банки тушёнки, восемнадцать банок рыбных, двенадцать — фасоли. Крупы — шесть пакетов риса, четыре гречки, пять овсянки. Масло — восемь бутылок. Мука — четыре пакета по два килограмма. Соль — пять пачек. Сахар — четыре пачки. Мёд — три банки. Чай — десять коробок. Кофе — шесть банок. Макароны — десять пачек. Сухое молоко — четыре упаковки. Витамины — всё, что осталось на полке: семь упаковок разных видов. Батончики энергетические — двадцать штук. Шоколад — десять плиток.

Две тележки. Тридцать семь тысяч рублей наличными. Кассирша — сонная, безразличная — пробила всё молча.

На парковке — слепая зона, проверенная. Портал. Два пакета — раз. Два — два. Три — три. Пусто.

Обратно в магазин. Третья тележка. Бытовая химия, батарейки, спички, зажигалки, пакеты для мусора, фольга, пищевая плёнка, пергамент, одноразовая посуда — на случай, если не будет воды для мытья. Детское питание — баночки, смеси, каши. Она снова не стала задавать себе вопрос, зачем.

Четвёртая тележка. Отдел для животных — а точнее, отдел с товарами, которые можно использовать не по назначению. Изолента — шесть мотков. Верёвка — три мотка. Пластиковые стяжки — четыре упаковки. Ножницы — три пары. Клей — пять тюбиков.

К восьми утра — когда город начал просыпаться, а покупатели потянулись к входу, — Эльза уже была дома. Хранилище приняло всё. Портал закрылся. Квартира — тихая, тёплая, безопасная.

Она сняла куртку. Руки дрожали — от холода, от усталости, от адреналина. Она посмотрела на свои пальцы — покрасневшие, с белыми пятнами на костяшках.

Минус три. Конец марта. Это только начало.

На седьмой день до катастрофы новости начали нервничать.

Эльза сидела на кухне с чашкой чая и смотрела на экран ноутбука. Новостные ленты — все, без исключения — были заполнены заголовками о погоде.

«Аномальное похолодание: синоптики прогнозируют рекордно низкие температуры для конца марта».

«Минус семь в Москве: что происходит с климатом?»

«Учёные: причина аномальных холодов — смещение полярного вихря. Ситуация временная».

«Временная», — подумала Эльза. — Конечно. Временная.

«МЧС предупреждает: в ближайшие дни ожидается усиление ветра до 20 м/с и снегопад. Рекомендуется ограничить пребывание на улице».

«Снегопад в конце марта: жители делятся фотографиями заснеженных улиц. "Такого не было с 1980-х!"»

Фотографии были почти красивыми: белые деревья, припорошённые машины, дети лепят снеговика, женщина в ярком пальто ловит снежинки ладонью. Люди ещё воспринимали это как развлечение. Как причуду погоды. Как повод для смешных видео и селфи со снегом.

Домовой чат подтверждал это:

«Ну и погодка! Кто-нибудь видел прогноз? Говорят, до минус пятнадцати может дойти!»

«Минус пятнадцать в марте — это что-то новенькое. Я уже убрала зимнюю куртку, теперь обратно доставать!))»

«Татьяна Викторовна, а отопление точно не отключат раньше срока? А то в прошлом году в апреле отключили, и батареи были чуть тёплые.»

«Татьяна Викторовна: Отопление будет работать до конца отопительного сезона, в соответствии с графиком. Не волнуйтесь. Всё под контролем.»

Всё под контролем, — повторила Эльза, читая этот диалог. — Тебе так хочется верить, что ты контролируешь хоть что-то, Татьяна Викторовна. Ты и твой домофон, который починят в понедельник.

Она закрыла чат и открыла метеосайт. Температура: минус семь. Прогноз на завтра: минус двенадцать. Послезавтра: минус восемнадцать. Ветер: северо-восточный, нарастающий.

Минус восемнадцать. Через два дня. Это ещё не катастрофа — это прелюдия. Настоящий удар будет, когда температура уйдёт за минус тридцать и перестанет возвращаться.

Эльза сделала последнюю запись в блокноте, перечитала её и медленно закрыла блокнот. Положила на стол рядом с чашкой чая. Провела пальцем по обложке — потёртой, мятой, с загнувшимися углами. Двадцать пять дней. Столько времени прошло с момента перерождения. Двадцать пять дней — и она превратила обычную квартиру в крепость, набила бездонное хранилище тоннами запасов и подготовилась к апокалипсису лучше, чем любой генерал к войне.

Достаточно ли этого?

Она не знала. Не могла знать. Потому что в прошлой жизни она не дожила до того момента, когда стало ясно, чем всё закончится. Она умерла рано — глупо, нелепо, от чужого ножа, — и мир продолжился без неё. Может быть, ледниковый период длился год. Может быть — десять лет. Может быть — вечность.

Неважно. Я подготовилась к тому, к чему могла. Остальное — решу по ходу. Импровизация на основе данных. Адаптация. Выживание.

А пока...

Она посмотрела в окно. Снег шёл — густой, крупный, не мартовский. Хлопья падали медленно, как в замедленной съёмке, и ложились на подоконник толстым белым слоем. Красиво. Смертельно красиво.

Шесть дней.

Финальный тест.

Эльза провела его на шестой день до катастрофы, когда температура за окном опустилась до минус пятнадцати и новости перестали называть происходящее «аномалией», начав использовать слово «кризис».

Она заперлась в квартире. Отключила внешнее электричество — полностью, вырвав автомат из щитка. Перекрыла водоснабжение — вентиль в ванной, до упора. Закрыла аварийные заслонки на вентиляции. Задвинула засов на входной двери — тяжёлый, стальной, входящий в стальную раму с глухим щелчком.

Изоляция. Полная. Как будто мир уже умер.

Потом — запуск систем.

Генератор. Кнопка. Пауза — секунда, две. Рокот — низкий, ровный, приглушённый звукоизоляционным коробом до еле слышного гудения. Индикатор — зелёный. Напряжение — двести двадцать вольт. Стабильно.

Свет. Щёлкнула тумблером на распределительном щитке — самодельном, аккуратном, подписанном её рукой. Кухня — горит. Гостиная — горит. Спальня — горит. Ванная — горит. Коридор — горит. Все пять линий — рабочие.

Отопление. Газовый обогреватель в гостиной — зажёгся с первой попытки. Керамическая панель засветилась вишнёвым, и через минуту от неё пошло тепло — мягкое, ровное, настоящее. Второй обогреватель — в спальне. Третий — на кухне. Все работают.

Вода. Насос — включён. Давление — в норме. Кран на кухне — открыла. Вода пошла — чистая, холодная, из двухсотлитровой ёмкости в ванной.

Вентиляция. Аварийная заслонка закрыта. Кислородный концентратор — включён. Индикатор — зелёный. Уровень кислорода в помещении — двадцать и девять процентов. Норма. Поглотитель углекислого газа — активирован. Таймер — двенадцать часов автономной работы.

Камеры. Планшет — четыре изображения. Коридор — пуст. Лестница — пуста. Площадки — пусты.

Эльза стояла посреди гостиной и медленно поворачивалась, осматривая каждый угол. Тепло. Свет. Вода. Воздух. Безопасность. Всё работает. Всё готово.

Она подошла к стене и постучала костяшками пальцев. Глухой, мёртвый звук — не звонкий, как бывает от гипсокартона, а тяжёлый, как от камня. Четыре миллиметра стали. Она потрогала дверь — холодную даже изнутри, массивную, как дверь бункера. Провела пальцами по замку — трёхточечному, с механическим засовом, которым не нуждался в электричестве.

Крепость. Моя крепость.

Она выключила генератор, вернула внешнее электричество и воду, открыла вентиляцию. Тест окончен. Всё работает. Всё готово.

Эльза вернулась на кухню, заварила чай — зелёный, с жасмином, из тех запасов, которые ещё стояли на открытой полке для вида, — и села у окна.

За стеклом — мир, покрытый снегом. Не лёгким мартовским пушком, а настоящим, тяжёлым, январским снегом, которого не должно быть в это время года. Деревья во дворе согнулись под его весом. Машины на парковке превратились в белые холмы. Детская площадка исчезла — только верхушка горки торчала из сугроба, как перископ тонущей подводной лодки.

Люди внизу — те немногие, кто ещё выходил — двигались быстро, сгорбившись, утонув в куртках и шарфах. Никто не фотографировал снег. Никто не лепил снеговиков.

В домовом чате тон изменился:

«Отопление стало слабее. У кого-то ещё так?»

«У нас на восьмом — еле тёплые батареи. Вчера было нормально.»

«Звонила в управляющую компанию — говорят, давление в системе упало. Обещали починить.»

«Татьяна Викторовна, что происходит с отоплением??»

«Татьяна Викторовна: Я связалась с теплосетью. Они проводят ремонтные работы в связи с повышенной нагрузкой. Обещают восстановить в течение суток. Прошу сохранять спокойствие. Всё под контролем.»

Всё под контролем, — подумала Эльза. — Кроме температуры, которая падает. Кроме снега, который не перестает идти. Кроме мира, который заканчивается.

Но это — под контролем.

Она допила чай, вымыла чашку, убрала на место. Потом достала из хранилища тёплый плед — новый, купленный специально — и села на диван в гостиной. Включила планшет. Четыре изображения с камер. Пустой коридор. Пустая лестница.

Тишина.

Шесть дней.

Эльза закрыла глаза и прислушалась. За стенами — за сталью, за утеплителем, за бетоном — мир ещё дышал. Слабо. Неровно. Как больной, который не знает, что умирает.

Скоро — перестанет.

И тогда начнется настоящее.

Глава 5. Белая стена

Это произошло ночью.

Эльза не спала. Она лежала в кровати с открытыми глазами, слушая ветер, который последние три часа набирал силу — сначала тихий свист, потом гул, потом — вой, низкий и протяжный, как будто что-то огромное и голодное пыталось вломиться в дом. Стены вибрировали — она чувствовала это пальцами, прижатыми к матрасу. Не сильно, не угрожающе, но ощутимо. Дом — двадцать четыре этажа стали, бетона и стекла — дрожал.

Температура за окном упала до минус двадцати восьми к полуночи. Эльза проверяла каждый час — электронный термометр на кухонном окне мигал синими цифрами, как обратный отсчёт. Минус двадцать два в десять вечера. Минус двадцать пять в одиннадцать. Минус двадцать восемь в полночь.

Падает. Быстро. Слишком быстро.

В прошлой жизни она не следила за цифрами — было не до того. Она помнила только ощущения: как воздух стал таким густым и холодным, что казалось — его можно резать ножом. Как стёкла покрылись инеем не снаружи, а изнутри. Как батареи остыли, и вместе с ними остыл мир.

Сейчас — цифры. Точные, беспристрастные, математически неумолимые. Минус двадцать восемь. И снег. Снег, который шёл уже вторые сутки без перерыва и не собирался останавливаться.

В два часа ночи Эльза встала, накинула свитер и прошла на кухню. Включила чайник — электрический, от сети, которая ещё работала. Пока вода закипала, открыла ноутбук.

Интернет был. Медленный, с перебоями — видимо, часть серверов уже страдала от перегрузки или отключений, — но работал. Новостные ленты больше не говорили об «аномалии» или «кризисе». Они кричали.

«ЭКСТРЕННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: температура в центральных регионах опустится до минус 40 в ближайшие 48 часов. МЧС призывает граждан не покидать дома».

«Транспортный коллапс: все аэропорты закрыты, железнодорожное сообщение прервано, автомобильное движение парализовано».

«Снегопад побил все рекорды: за сутки выпало более метра осадков. Спасатели не могут добраться до пострадавших».

«Власти объявляют режим ЧС: населению рекомендуется оставаться в помещениях и создать запас воды и продуктов минимум на три дня».

Три дня, — подумала Эльза. — Они думают, что три дня. Они думают, что это шторм, который пройдёт, и потом приедут снегоуборочные машины, и всё вернётся к норме, и можно будет снова жаловаться на пробки и цены на бензин.

Она закрыла ноутбук. Чайник щёлкнул, выключившись. Эльза заварила чай — чёрный, крепкий, с двумя ложками сахара — и подошла к окну.

За стеклом — не было ничего.

Не в метафорическом смысле. Буквально — ничего. Белая стена. Сплошная, непроницаемая, как будто окно замуровали гипсом. Снег шёл с такой плотностью, что видимость обрушилась до нуля. Ни огней, ни зданий, ни неба. Только белое. Бесконечное, всепоглощающее белое.

Эльза стояла у окна с чашкой чая в руках и смотрела в это белое, и чувствовала, как мир, который она знала, — умирает. Не быстро, не со взрывом, не с грохотом. Тихо. Как замерзающий человек, который просто закрывает глаза и перестаёт дышать.

Четыре дня, — подумала она. — Я думала, что у меня есть ещё четыре дня. Я ошиблась. Это уже здесь.

В три часа ночи погас свет.

Сначала — мигнул. Один раз, коротко, как будто кто-то моргнул. Лампа на кухне дрогнула и вернулась. Эльза стояла у окна, и её тень на стене качнулась и замерла.

Потом — снова. Три быстрых мигания — раз-два-три — и пауза. Холодильник в коридоре издал жужжащий звук, как будто подавился, и замолчал. Потом заработал снова.

Потом — темнота.

Абсолютная. Полная. Такая, в которой не видишь собственной руки, поднесённой к лицу. Лампы погасли. Холодильник замолчал. Роутер — маленький зелёный огонёк в углу прихожей, последний символ связи с миром, — потух.

Тишина.

Не та тишина, к которой Эльза привыкла за последние дни — тишина пустого подъезда, тишина ночного города, тишина человека, который живёт один и не включает телевизор. Это была тишина смерти. Тишина дома, у которого остановилось сердце: не гудели лифты, не шуршали трубы, не потрескивал распределительный щиток. Двадцать четыре этажа бетона и стали — и ни одного звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.